

ДМИТРИЙ КОРОЛЁВ

Вторая книга

Дмитрий Королёв

Вторая книга

«Издательские решения»

Королёв Д.

Вторая книга / Д. Королёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939840-6

Глиняные таблички с проектными материалами Творец использовал для оформления ночного неба, оставив некоторую их часть, с инструкциями по развлечениям и превращениям, на земле. Стоит их только прочитать, и мир исчезнет. Так уже было раз шесть или семь.

ISBN 978-5-44-939840-6

© Королёв Д.
© Издательские решения

Содержание

Искусство	6
Месопотамия	11
Питер	26
Если враг показался вдруг	30
Руки, которые ничего не	35
История с глиняными табличками	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вторая книга

Дмитрий Королёв

© Дмитрий Королёв, 2018

ISBN 978-5-4493-9840-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искусство

– Слово! Слово! – пытаюсь привлечь внимание граждан и лиц с иностранными физиономиями, чуть не хватая их за рукав подобно нищему оборванцу, восклицал невысокий человек с взъерошенными волосами. Он выделялся среди прочих торговцев сувенирами – так, как отличается потёртый уличный кот от домашних, вышедших всего лишь только погулять. Однако не был он похож и на привокзальных попрошаек, чьё назойливое существование день за днём продлевается жалостью и мелкой монетой обывателей, да и одет он был вполне прилично. Удивителен был его взгляд: один глаз казался неподвижным и невыразительным, но другой! – как если бы среди бесцветных стекляшек повстречался настоящий бриллиант... – другой горел тёмным притягательным огнём, будто гипнотизируя толпу; и вот случайный прохожий, неуверенно замедляя шаг, повернулся в его сторону. – Скажите любое слово! – Заклинал глаз. – Любое имя существительное: предмет, понятие; что угодно, только без нарицательных. И без имён собственных. И...

Прохожий, выдернутый из людского потока, машинально приподнял руки, будто ища в воздухе опоры, затем всё же остановился, собрался и сказал: – Хорошо, хорошо. Моё слово – «слово».

Всклопоченный человек дёрнул плечом и забормотал: – Ага, интересно. Что же вам за толк в словах? Слушайте, вот:

У поэзии есть условие.

Подношу вам его на блюде я... —

Уголки рта у прохожего поползли вниз, брови изогнулись – но декламатору это не помешало будто подняться на ступеньку и торжественно заключить: —

Словоблудие – многословие.

Многословие – словоблудие.

Беззвучно сойдя с воображаемой ступени, он застыл в ожидании оваций. Слушатель молчал. Декламатор слегка поклонился, потёр ладони и попросил ещё какого-нибудь слова «для интерпретации».

– Индустриализация, – отозвался прохожий, очевидно, вспомнив мучения старины Синидского¹, при этом уже стоя перед современным факиром твёрдо и улыбаясь понимающей улыбкой.

Будто механический вычислительный аппарат, тот заклацал своими задвижками, храповиками и шестерёнками, сосредоточился и забормотал: – Так, индустриализация даёт нам технику, техника... это костыль человека в пожизненном забеге наперегонки с природой и собой, но таков порядок вещей, таков порядок... Ага, вот:

Когда бы в мире был порядок,

Ему, конечно, был бы рад я,

Но, думаю, не дольше дня.

Потом стошнило бы меня.

Он начал склоняться в театральном поклоне, но тут же остановил своё движение: ведь к объекту его внимания, глядите-ка, невесть откуда приближается посторонний объект, от которого ожидать можно чего угодно и, в особенности, чего не угодно – то есть, либо удвоения оперативного количества клиентов, либо, наоборот, его полного сокращения. Поэтому жонглёр словами переходит ко второй фазе своей операции.

– Господа! – восклицает он, – как видите, нет такого понятия, которое бы я не смог завернуть в четыре строчки и без промедления подать вам, как на блюде. Это значит, я гений!

---

¹ Сочинитель ребусов из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова.

Только вспомните нашу эстраду: кто там? что там?.. Возьмите меня, вложите деньги, и они вернутся сторицей! Посмотрите, что у меня есть, – тут он зашевелил кладью на своём прилавке, – вот книжки – очень удобные, маленькие, в них четверостишия на все случаи жизни; вот компакт-диски – я пишу инструментальные пьесы; а вот ещё...

Первый слушатель склонил голову набок, пытаясь под наиболее удобным для него углом рассмотреть лоток с товарами, а второй, как-то сразу оценив ситуацию, молча потянулся к дискам, взял один с надписью «Винарский» от руки и вопросительно взглянул на автора. Винарский, он самый, проворно приговаривая: «занятные темы», «эксклюзив» и тому подобное, берёт диск, суёт его в проигрыватель с наушниками, потом спохватывается, жмёт на кнопки, встряхивает наушники, поправляет контакты; наконец, становится слышным тоненький писк музыки, заточённой в проводах. Винарский бормочет: – Эх, поменять бы мне этот проигрыватель на выигрыватель... – Потом оборачивается и вопрошает: – Ну, придумали новое слово? Только, я вас прошу, о жизни, о любви, со смыслом. Избавьте меня от производственных процессов, о них писать скучно, а вот о любви можно говорить бесконечно много, бесконечно долго, всю жизнь и дольше жизни...

– Пакля.

Глаз сверкает: – Как – пакля? Гм... Позвольте, так мы уже виделись? Вы знаете, что я не работаю с паклей?.. Знаете?.. – На это новоявленный Незнайка широко улыбается и берёт в руки одну из книжиц. Полистав немного, он говорит: – Нет, про неё я сам догадался. – И после небольшой паузы добавляет: – А сколько стоят ваши книги?..

Диалог сопровождается едва различимыми отголосками звуков, пробивающихся сквозь неплотно сидящие наушники; при этом стихийный меломан, будто от удовольствия, покачивает головой, бёдрами и руками. Но как только заходит речь о деньгах, он тут же выключает плеер, мигом снимает наушники и, сказав нечто вроде «а это действительно здорово», деловито присоединяется к разговору.

Продавец в отточенных словесных формулах – «звонче славы для поэта полновесная монета», «принимаем рублики от почтенной публики» – завершает сделку. В мире ненадолго становится на три довольных человека больше. Оглядывая седеющего версификатора и готовясь оставить его навсегда, двое из них приговаривают – мол, зря вы тут, с вашими талантами, растрачиваете силы впустую. Ведь есть же возможности, есть же связи и перспективы, серьёзно!.. Винарский на это не без сарказма произносит: —

Серьёзный не улыбочивый народ
знаком мне от озноба и до жути.
Кто говорит всерьёз, – обычно врёт,
а правду говорит лишь тот, кто шутит.²

Шутники хохочут и разворачиваются.

– Заходите ещё, – слышат они напоследок, – каждое воскресенье, замок Ричарда, у входа!.. Да, и не обменяться ли нам информационными полями?..

На последней фразе двое, почти её не различая, уже решительно движутся прочь.

– Я специально за тобой вернулся, – говорит тот, который с диском, – а то бы ты ещё долго торчал около этого Ричарда. Там ведь Ленка ждёт. – Человеческий поток легко их принимает и подхватывает. – Вот интересно, – чуть погодя задаётся вопросом тот, который с книжкой, – а что значит обменяться информационными полями? Пожать руки, что ли?..

Приходится переступать через выбоины в брусчатке, лавировать между зевак, торговых палаток и раскладок с матрёшками, футболками, шапками-ушанками с краснозвёздной кокар-

² Оба четверостишия принадлежат руке В. А. Винарского.

дой и прочими вещами, в хозяйстве совершенно бесполезными, однако там ведь ждёт Ленка, и пешеходы препятствий почти не замечают. А она устроилась за столиком кафе в самом низу Андреевского спуска, успела два раза поговорить с официанткой и несколько раз – по телефону; на неё заглядываются прохожие и даже отнюдь не одинокие кавалеры за соседними столиками. Ах, да если бы она ждала меня, я давно бы и думать забыл о Винарском и сбежал бы вниз в один момент; но – я сижу дома, пью чай с баранками и стучу по клавиатуре, спеша запечатлеть образы, постепенно погружающиеся в непроглядные глубины памяти; Ленка где-то вдалеке барабанит кончиками длинных ногтей по деревянной столешнице, а её отставшие спутники – ещё успевают оглядываться на картины безвестных художников, на полотна, будто с крушением советской империи спустившиеся с флагштоков прямо в руки торговцев, на псевдоэтнические деревянные скульптурки, на бутфорского белогвардейца при входе в заведение с чарующим названием «Ресторация»... – всё это они уже только что символически купили. Наконец, показывается зелёный навес над кафе, стилизованным под малорусское подворье, и троица радостно воссоединяется.

– Мальчики, ну где же вы пропадаете? – К её мягкому выговору сегодня добавился ещё и питерский прононс, но не под впечатлением прохладных берегов далёкого Финского залива, а из-за вчерашнего дождя и мороженого. Она достаёт носовой платок. – Андрей, это всё из-за тебя! – сообщает она.

– Грог в помощь! – отвечает Андрей, кладя на стол компакт-диск. Но грога здесь не подают, так что вскоре на столе появляются бокалы с веселящими пивными пузырьками. На округлых боках сияет тёплое приветливое солнце.

Милый голосок интересуется: – Димочка, а что это за книжечка?

– Да вот, – отвечает тот, – изучаю. Знаешь, ведь любая книжка – это информационный канал с узким горлышком, через которое автор пытается пролезть и добраться до читателя. Ну, а я только что автора видел живьём. Теперь смотрю, сравниваю с тем, как он выглядит на бумаге. Хочешь взглянуть?..

– Ой, Димочка, а что значит – пытается пролезть? Как это?

– Очень просто, Леночка. Если взять писателя обыкновенного и рассмотреть его со всех сторон, мы с тобой увидим, что это человек с тысячью достоинств и недостатков, как и всякий другой. Но если прочие зарабатывают себе «на хлебушко» трудом и живут полноценной жизнью, не навязывая себя остальным, то эти грамотеи имеют паразитическое свойство высасывать из публики эмоциональные и финансовые соки, взамен не предлагая ничего. Ничего, кроме иллюзий, внушаемых доверчивым читателям. Сидят в своих кельях и делают вид, что учат живых людей, как надо любить. Но их фантазии – как цветок без запаха, как еда без вкуса. – Слушатели хрустят зажаренными куриными крылышками. – И вот ещё что. Паразитизм этот вполне осознан, ведь писатель – не растение, не бестолковый организм, он всё прекрасно понимает. А раз так, то это должно унижать его в собственных глазах. Паразитизм, конечно, свойственен всем без исключения видам творчества, и получается, что всякое искусство есть род унижения.

– Жестковато, – произносит Андрей, задумчиво откладывая кость на широкое блюдо. Тщательно вытирает руки, пододвигается к девушке. Потом добавляет: – Довольно жёстко и не совсем логично, по-моему... какая-то питбулева логика.

– Ничего, у всякой логики есть основания быть, – улыбаясь, продолжает стихийный искусствовед, обращаясь уже скорее к Андрею, – и, между прочим, умело выбрав нужную логику, можно доказать кому угодно что угодно. Например, Диоген смог сам себя убедить в обоснованности своего недовольства собственной бедностью, когда, мучимый завистью к богатым афинянам, вынужденный питаться одним только хлебом да листьями, увидел, как подбежала обыкновенная мышка и стала подбирать упавшие на пол крошки – никакие роскошества ей не нужны. Так он обрёл ясность духа. – Рассказчик хлебнул пива, огляделся

вокруг, и в речи его слышались задорные нотки. – Искусство как унижение и унижение как искусство свойственно природе человека. Например, Андрей первозванный, именем которого назван Андреевский спуск, достиг святости не только в силу личного знакомства с Христом, но и потому, что с радостью принял ровно такую же смерть. Его распяли в Партах, причём сделано это было правителем города наперекор желанию жены, а выбор орудия казни казался тому остроумным ответом на проповеди христианства, которые Андрей продолжал, даже находясь на кресте. Так он обрёл святость. До этого финального момента он обошёл много земель, через Малую Азию, Фракию и Македонию, добрался до Крыма, по Днепру поднялся до здешних мест, до этой самой кафешки. Побывал у будущих новгородцев, и у варягов, и у римлян, затем вернулся во Фракию, где в посёлке Византии на месте будущего Константинополя организовал христианскую церковь. Кстати, – ещё более оживился оратор, – как вы думаете, уж не из-за христианства ли развалилась, в конце концов, Римская Империя? Есть основания полагать, что дело не в этом. Не знаю, почему такая очевидная мысль пришла мне в голову только на днях – я должен был сообразить это давным-давно... Дело вот в чём. Как известно, в древнем Риме год начинался с марта. Позже, по понятным причинам, отсчёт стали вести от рождества Христова, и начало года сместилось на январь, но – при этом никто не стал переименовывать месяцы. А они в римской традиции имели весьма простую нумерологическую основу в своих названиях: сентябрь-октябрь-ноябрь-декабрь – это же седьмой-восьмой-девятый-десятый; в романских языках такое должно звучать явно.

– Погоди-погоди, – отрывается от своего занятия Андрей, – а что насчёт августа? Он же должен быть... ммм... сексабрём?

– Твой сексабрь назвали в честь Октавиана Августа, римского цезаря. Но я не об этом. Ведь что получается: долгими столетиями римляне жили с невероятным психологическим дискомфортом, называя девятый месяц седьмым, десятый восьмым и так далее. Кто же это выдержит? Вот они и не выдержали. Опустили руки перед варварами, которых психологические проблемы не волновали.

– Ой, мальчики, – отрывается от своего занятия Леночка, – это что же получается, теперь и наша страна распадётся?

– С чего это вдруг? – удивляется незанятый мальчик.

– Ну, как же, – следует ответ, – теперь ведь и у нас будет такой же дискомфорт, как и у римлян. Разве что ты про сексабрь никому ничего больше не расскажешь, а мы с Андреем всё забудем.

– Хм, занятно. Нет, Леночка, ничего не получится: любая мысль, если даже её заткнуть в одном месте, обязательно выберется на свет в другом; кто-нибудь ещё додумается, не сдержится и расскажет всем. Хотя, знаешь ли, это ведь не самый разрушительный код для самоубийства цивилизации. Мы погибнем гораздо раньше, чем общество одолеют психологические комплексы. – Его лицо делается невероятно серьёзным. – Нас погубит медицина. Так, вчера ваш покорный слуга попал в руки бесчинствующей группы стоматологов. Несчастная жертва – которая по счёту! – лишилась нескольких зубов, здорового сна, достойной пищи – ещё говорю им: «Ребята, неделю без еды я точно не продержусь!» – и всяких средств к существованию. А они в ответ: «Да у вас во рту золотое дно!» – и хохочут, грабители в белых одеждах.

Рассказчик дожидается реакции, потом смеётся сам и, понизив голос, как будто речь идёт о совершеннейшем пустяке, интересуется: – Кстати, Андрей, насчёт нашей договорённости... я имею в виду... – он делает характерный жест пальцами, будто бы потирающими банкноту.

Андрей понимающе кивает головой, лезет в бумажник, извлекает оттуда несколько новеньких купюр солидного достоинства, дважды пересчитывает их и, улыбаясь, небрежно протягивает перед собой; долго не весу держать руку ему не приходится. Деньги сменяют своего временного владельца, и очередной их обладатель неуловимо преображается, будто какая-то проблема, доселе державшая его в напряжении, на некоторое время отступила; он шутит: –

Дружище, предлагаю Андреевский спуск переименовать в твою честь! – затем тревожная морщина с его лба исчезает, он тихо бормочет: «Но что вам за толк в словах?» – и становится беспечным и беззаботным.

Так они сидели и говорили, с любопытством заглядывали в завтрашний день, видя там прекрасное будущее, до которого рукой подать. Солнце, склоняясь к закату, проникает своими тёплыми лучами глубоко под навес, преломляется в пустеющих бокалах и продолжается на темнеющем столе причудливыми тенями. Один счастливец со сладкой улыбкой на лице изучает влияние соли на образование пивной пены, другой целует ручки милой девушке, и ничто не в силах помешать прекрасному вечеру: ни отголоски грозы на подступах к городу, ни вчерашний дождь. Ах, да если бы... Но что ж... Я сижу в четырёх стенах, пью горький чай и гляжу, как над чашкой всё ещё вздымается остывающий пар, неторопливо клубясь и принимая почти живые формы.

Месопотамия

Так случается. Жизнь только-только начинает принимать отчётливые, вполне приличные очертания, как вдруг...

Мы не станем утверждать, что всему виной непростая экологическая обстановка. Определённое воздействие на популяции оказывает и она, – так, из отравленных океанических вод нет-нет, да и всплывёт какое-нибудь чудище, от которого у самых смелых средневековых фантазёров, сочинявших небылицы о всяческих морских змеях, волосы на спине встали бы дыбом; или, например, птицы из-за перенаселённости в фермерских хозяйствах, заражаясь птичьим гриппом, подвергаются репрессиям и мрут, как мухи; а в лесах Амазонки недавно обнаружилась жуткая мутация наших отдалённых четвероруких родственников, потрясая натуралистов тем, что у многих её мужских особей стручок оказался загнут кверху крючком, совершенно непригодным для дела. Ещё менее мы склонны пенять на политические квазиорганизмы, протянувшие свои осьминожки щупальца по все концы планеты, запустившие их в информационные сети и в серое вещество серой массы. Как известно, этот род паразитов питается чувствами публики, а та частенько страдает синдромом бесцельной вовлечённости и неразделённой политической любви. И, конечно же, дело вовсе не в дамах. По крайней мере, в нашу замечательную эпоху любое человеческое существо с признаками сильного пола может рассчитывать на некоторое количество поклонниц; достаточно быть хоть немного достойнее обезьяны. Даже у хмурых собирателей бутылок обыкновенно имеется дама сердца, а то и не одна. Но, так или иначе, приходит время, и...

...вдруг человек начинает метаться, как волк между загонщиков и красных флажков, и мучиться неодолимым желанием перемен.

Вполне вероятно, всё это происходит потому, что внешние обстоятельства будто налаживают на молодой растущий организм некий метафорический гипс; и стоит только немного побыть в неподвижности, как потом уже измениться будет почти невозможно. Ведь ломать придётся себя. Тот, кто чувствует это, иногда совершает удивительные поступки.

А теперь, чтобы лучше рассмотреть один из таких прыжков через красную линию, отступим немного назад. В историю.

Древнейшие люди на территории Месопотамии, иначе называемойся Междуречьем или Двуречьем, что располагается в Передней Азии по течению Тигра и Евфрата, появились в эпоху неолита. Мы не можем сказать достоверно, какого они были роду-племени, но впоследствии, вполне вероятно, на их генетическом материале (и уж точно на их костях) возникли такие города-государства, как Эриду и Лагаш, Урук и Ашшур. Им на смену пришло Шумерское царство, потом Вавилон и Ассирия.³ Эти земли переходили из рук в руки Персии, империи Александра Македонского, государств Селевкидов и Аршакидов, за них дрались Иран, Парфия и Рим, позднее – Иран и Византия. Арабы, придя с Аравийского полуострова, распространили ислам, арабский язык и, таким образом, самих себя. Багдад, возвысившийся на пересечении торговых путей, блистающий минаретами, академией, обсерваторией и библиотекой, стал привлекательным и для завоевателей. Его брали монгольские войска, затем армия Тимура. Под свою власть его возвращал Иран, однако позже уступил Османской империи. Становой хребет английской колониальной политики в регионе, Ост-Индийская торговая компания, наряду с военно-морскими операциями, помогла Великобритании оттеснить от ближневосточных дел Голландию.

---

³ Путём археологических раскопок выявлено около дюжины городов на месте Вавилона – их последовательно строили, разрушали и снова строили на пепелище; так что неведомых могучих царств было много, но от них даже памяти не осталось.

Когда нефть приобрела стратегическое значение, Ираком весьма заинтересовались немцы, но из-за увлекательных событий Первой мировой реализовать свой интерес не успели. Англичане в 1916 г. были биты под Багдадом турецкими войсками, однако немного погодя разделили песочно-нефтяной пирог с французами, заглотив его через пару лет целиком. Возможно, сейчас кому-то непросто вообразить, что Англия, это ныне скромное островное государство, могла ещё в начале XX века вершить судьбы планеты. Но таков порядок вещей, так развиваются социальные образования. Так, неся цивилизаторское бремя, ещё одни островитяне подчинили огромную тихоокеанскую территорию, Корею и Китай, и если бы не возросшая американская мощь и освободившиеся руки СССР, вернувшие японцев в пределы Японии, они бы шли к потере колоний несколько дольше. Так и спустя сотню лет мало кому приходит в голову, что со временем США превратятся из государства номер один в аграрный придаток развитого мира. А дела в колонии шли по нормальному сценарию, с полноценными восстаниями. С годами страна обрела статус независимого королевства, затем революционной республики. Многолетняя война светского Ирака с исламистским Ираном не дала сторонам ничего, кроме боевого опыта и орденов на генеральских мундирах, зато обогатила поставщиков вооружений. И привлекла к себе внимание новых мировых держав.

Итак, теперь нам вполне видно то, что находится вокруг воображаемой точки приземления Андрея, оттолкнувшегося от лона европейской цивилизации посреди уютного города, на склоне ласкового лета. Он уже почти покинул наши края, оставаясь здесь разве что телом, не способным на мгновенные перемещения, и небольшой частью своего сознания, торопливо заканчивающего последние приготовления к отбытию. Туда, где знойное солнце порой заслоняется копотью горячей нефти, и тогда, когда страну в очередной раз принялся заглатывать очередной хищник.

Видно нам также и то, что вертелось в голове у Димы, который спешил добраться до работы и подумывал над странным решением своего приятеля, которого придётся ближе к ночи провозить в аэропорт. Конечно, мысли его не были обременены столь обширным историческим материалом – скорее, колыбель человечества промелькнула перед его внутренним взором, как неясное дымчатое облако, где аравийские всадники переплелись с рейнджерами на джихах, а поседевшая борода Саддама Хусейна превращает пленённого диктатора в непогрешимого и надменного Карла Маркса. Мысли, пронзая сегодняшний день, почти не останавливались на делах обыденных, на мелькающих фигурах людей, машин и зданий, но с беспокойством упирались в предстоящее расставанье.

Когда голова занята тревожными ожиданиями, окружающий мир отходит на второй план. Я сам как-то, в такой же августовский день... Тогда, будучи студентом, я сосредоточенно прикидывал свои перспективы сдать зачёт по математическому анализу. Не расставаясь с конспектом и механически отправляя в рот ложку за ложкой разогретые остатки супа, к моменту, когда в тарелке показалось дно, я вдруг осознал, что жую нечто постороннее. Странноватый хруст на зубах, коричневые листочки с усиками... да это ж тараканья мелюзга!.. Впрочем, этих потенциальных радикалов мой закалённый желудок переварил без малейшего содрогания, и я продолжил своё занятие, будто окружающий мир не имеет существенного значения. Вот и Диму теперь мало интересовало происходящее вокруг. Даже вечерний разговор с Андреем – «Я с утра буду занят по делам фирмы, потом просто занят... но, послушай, зачем тебе тратить время, они же продаются почти у каждого столба?! – Нет, мне нужны настоящие тёмные очки, а не китайский ширпотреб; иначе как на меня посмотрят в ночном клубе?..» – оставил в его сознании лишь мысленное пожимание плечами. Карманы его штанов оттопыривались из-за компьютерной дребедени (тут мы позволяем себе совать нос в чужие дела, но поскольку делаем это в рамках художественного исследования, то тем самым не совершаем предосудительных действий – ведь у искусства, как и у науки, табу нет). Возьмём также во внимание его новые туфли, только-только начавшие притираться к ступням, – и неуверенная походка пока-

жется нам вполне оправданной и заслуживающей сочувствия. Однако недоумённые взгляды прохожих чаще останавливались не на ней, а на руке, бережно сжимавшей тонкую и гибкую пластиковую трубочку длиной в метр. Так несут пышную розу на свиданье, или, скажем, мокрый резиновый шланг. Приближение к работе знаменовалось несколькими встречами со знакомыми людьми, и чем выше была степень знакомства, тем выше поднимались удивлённые брови. Обитательницы расположенного неподалёку института благородных девиц, по странному стечению обстоятельств именуемому также институтом культуры, при виде человека со змеёй на ходу прерывали своё щебетание и замедляли шаг. Охрана при входе вежливо поздоровалась и проводила до конца вестибюля грозу всех шлангов слегка заинтересованным взглядом. Единственное, что отнеслось к ноше с предельным равнодушием, граничащим с цинизмом, – это дверной цифровой замок. Миновав преграду, Дима молча пересёк офис, нашёл в дальнем закутке системного администратора и вручил тому странный гибкий предмет. Не обращая внимания на безэмоциональное «спасибо», с нескрываемым удовольствием опустошил карманы и, потирая руки, направился к своему столу. Вновь пересекая помещение, он уже улыбался и приветствовал коллег лёгким кивком головы.

Мы не станем описывать в подробностях вполне заурядный рабочий день современного пролетария умственного труда, для которого отличие от токарно-слесарных занятий состоит в объекте обработки, инструменте и уровне сложности; однако рутина она и есть рутина. Особенность работ компьютерных позволяет время от времени отвлекаться на внеслужебную переписку, почти не вредящую производственным процессам, а возможно и являющуюся чем-то вроде умственной гимнастики, наподобие того, как фрезеровщик оттирает лоб нарукавником и переводит дух. Да и вообще, творческая работа подразумевает отвлечения внимания ради концентрации мысли. И если работодатель заинтересован исключительно в результате труда по спецификации, то нам любопытно будет взглянуть как раз на плоды интеллектуальных гимнастических упражнений, поскольку связаны они с предметом, о котором поговорить всегда приятно: итак, переписка с незнакомкой. Мы публикуем её, позволив себе лишь несущественные купюры и минимальную редакционную правку.

Дима вчера в 18:15

– Ваше жизненное кредо? – резко спросил Остап.

– Во всём противоречить! – ответила Яна, показав свой длинный язык.; -)

Яна вчера в 18:23

Следуя своему жизненному кредо... я противоречу своему жизненному кредо.; -)

Дима вчера в 18:24

«Критский лжец», вариант двадцать пять.

Яна в 11:23

Ага... То есть мышление стереотипно?

Дима в 11:26

Это называется культура. Мы движемся под воздействием всё того же пинка, которым задали направление человеческой мысли древние греки.

Яна в 11:29

Это называется следованием. Всегда проще соблюдать, чем творить.

Дима в 11:34

Но, с другой стороны, в разуме есть только отражение окружающего мира. Откуда же берётся творчество? Ну-ка, спротиворечь.

Яна в 11:50

Существование чего-либо в чувственном восприятии не всегда протекает осознанно. Поэтому часто складывается впечатление, что большая часть соображений рождается разумом, а не выстрадана сердцем.

Дима в 11:59

И что же такое сердце? Насос для крови, и всего-то. Вот только иногда оно болит, понимаешь, по разным пустякам, из-за капризов милых дам.

Яна в 12:05

Пусть болит оно опять,
Если вы не в состояньи
Благородно исполнять
Наши мелкие желанья.

Дима в 12:15

Что ж... признаться, я сражён
Столь изысканным ответом!
Вновь хочу я быть поэтом,
Целовать прекрасных жён...

Яна в 12:21

Жён? Я, кажется, краснею,
И мешаться к вам не смею.

Яна в 12:43

Ну, а прочие модели
Вам, похоже, надоели,
Вкус к охоте охладел...; -)

Дима в 12:56

Нет, колчан мой полон стрел.
Я гляжу в дисплей стеклянный.
Мне с него мигает Яна.

Deus ex machine⁴

Поскольку примерно на этом месте читатель обычно спешит заглянуть вперёд, а самого его начинает одолевать зевота, я вынужден вклиниться в рафинированную переписку и добавить некоторые детали. Вот группа сотрудников засобиралась на обед; их движение происходит без слов. Молчаливость их обманчива: офисное общение обычно имеет цифровой вид, а значит, все слова уже сказаны. Вот кто-то задумчиво топает к принтеру. А вот по офису деловой походкой идёт В. Ленинградцев, оглядывая помещение и явно желая отвлечься от забот

---

⁴ Бог из машины (лат.). В античной трагедии, по замыслу автора (или наоборот, когда актёры окончательно запутывались), при помощи специальной машины (эоремы) на сцене неожиданно появлялся тот или иной бог и справлялся с действием. В роли бога обычно выступал автор.

путём отвлечения от дел других, видит Диму, сосредоточенно глядящего в монитор, и подходит к нему. Тот, выяснив суть интереса коллеги, говорит: – Между прочим, сегодня у меня завязалась интересная беседа. Вот она. – Ленинградцев мельком смотрит в текст и принимается вполголоса иронизировать: – А я сегодня подумал, что это неспортивно и как-то даже нехорошо: имея под боком «Кулёк», мы могли бы знакомиться прямо так, живьём. Во-первых, экономия времени и сетевого трафика: без всяких фотографий сразу всё видно, причём в натуральную величину и в трёх измерениях. Во-вторых, не надо напрягаться и, как некоторые, сочинять поэмы, потому что в реале достаточно каких-то секунд, чтобы тут же почувствовать, есть шанс или нет. К тому же, не все девушки оборудованы интернет-входом. Так надо ли себя ограничивать?.. – Довольный собой, он улыбнулся, отвернулся, отчего-то пробормотал: «Через четыре года здесь будет „Трансвааль“» – и зашагал прочь. Он скрылся из виду, а необременительная и ни к чему не обязывающая переписка продолжилась.

Яна в 13:34

Восхищаюсь вашей силой,
Луком, стрелами, конём...
Вижу я, мой лучник милый,
Под луною нас вдвоём.

; -)))))) Не напрягайся... шутка.

Дима в 13:52

Под луной гуляют двое,
Роет землю резвый конь.
Что ты рвёшься, конь-огонь?
Не сегодня, бог с тобою.

//И густо покраснел.

Яна в 14:25

Это жутко, это гадко,
Мучить бедную лошадку.
Прочь езжайте от меня.
Вот такая я, я, я.

Дима в 17:18

Да, есть такие лошади,
Стройные и холёные,
Памятником на площади
Маршалу С. Будённому.

Если бы я был маршалом,
Делал бы то же самое.
Что и зачем – не спрашивай.
Просто смотри в глаза мои.

//Как известно, Семён Будённый ездил на кобыле. Знать, разбирался в предмете!

Яна в 17:55

Он помнит вкус победы,
Но жить – хоть вой, хоть плачь.
Года, увы, для деда —
Не лекарь, а палач.

Дима в 18:20

Настанет мор, болезни, войны,
Людской планета сбросит груз,
Но только бронзовый Будённый
Всё будет свой топорщить ус.

Яна в 18:30

Стоять он будет, полон силы,
Готов к любви, готов к войне.
А неподвижная кобыла
Вздохнёт порою о коне.

Дима в 19:13

Ещё четыре строчки,
И по делам пойду я,
Но только вместо точки
Поставлю запятую.

Яна в 19:16

И я пойду куда-то,
Где есть бильярд и пиво,
И в области разврата
Найдётся... перспектива.

Рабочий день подошёл к концу, а вечер, не менее содержательный и занимательный, только начинался. «Больше мы не пересечёмся» – подумал напоследок нечаянный футуролог и принялся сворачивать свою бурную деятельность, – «это отнимает слишком много времени». Однако прежде чем уйти, он распечатал поэтический винегрет и заглянул с ним в закуток В. Ленинградцева. Тот скептически встряхнул бумагой, пробежался одним глазом по тексту и категорически заявил: – Шекспир – отдыхает. – Потом подумал и добавил, что для науки это, впрочем, особого интереса не представляет, а заболевания такого рода с точки зрения психиатрического анализа следует лечить посредством химиотерапии. Он пробежался кончиками пальцев по книжке, в которой и беглый взгляд со стороны безошибочно угадывал нечто медицинское. Дима поинтересовался, не желает ли товарищ аналитик провести в неблизкий путь «нашего дорогого путешественника». Ленинградцев виновато вздохнул и сообщил, что планы его несколько иные, что через полчаса у него назначено. А пока, знаете ли, он собирается отвлечься от работы, от мороки с кандидатской, и наскоро набросать, в тезисах, ни что иное, как национальную идею, поскольку на его персональной страничке в сети образовалось свободное место. Слегка удивившись, чем решил заняться коллега, Дима вслух пожелал тому удачи и вышел вон.

В условленном месте, неподалёку, со слегка отстранённым видом изучая стенд отечественных торговцев солнцезащитными изделиями Поднебесной, ожидает недостающих сотрудников Андрей, время от времени что-то подправляющий то в одном, то в другом электронном устройстве, которыми он обвешан, будто ёлка шишками. Проводить его собрался

небольшой, но дружный коллектив, между прочим обсуждающий тех, кто прийти хотел-хотел, да не смог. Слышится голос Димы: – Питер передаёт самые тёплые пожелания и извинения такой степени глубины, что я даже не уверен, удалось ли мне донести их без потерь. У него очередная клиентка. – Андрей комментирует: – Мало ему работников компании! – Затем, театрално оглянувшись – нет ли вокруг посторонних? – добавляет: – Снова будет вещать ни в чём не повинной жертве про шишки из Алупки. – На это сотрудники со стажем реагируют смехом, а один новенький, который ведёт себя довольно стеснительно и смеётся робко, затем несколько раз проговаривает про себя последнюю фразу, заметно шевеля губами. – Да уж, – заключает кто-то, – не совсем приличный анекдот.

Солнце, скрывшись за спинами зданий, позволяет прохладе выбраться из тени; компания трогается с места в сторону ближайшего кафе, где уже заказан столик. По дороге Андрей загодя начинает то сыпать шутками, то, внезапно делаясь серьёзным, делиться своими планами. Чуть погодя, почти у входа, вдруг приостановившийся Дима, изображая на лице смятение и воздев руку, произносит: – Каждый новый шаг мне даётся с болью... – На это гвоздь программы признаётся: – Честно говоря, таких признаний мне ещё никто не делал. Мне тоже неохота с вами расставаться, ребята... – Однако Дима разъясняет: – Нет, постой... Это всё мои новые туфли... – Все смеются и входят в кафе.

Ничего особенного внутри не происходит, так что нам нет никакой надобности за ними следовать; лучше подождём на свежем воздухе, пока неторопливые официанты движутся между столиками и баром, а сумбурные разговоры, как флажки на ветру, не дают сбиться с пути неугомонному времени. В эти же полчаса Ленинградцев, разделавшись с национальной идеей, остаток времени тратит на несравненно более волнующие дела: раздавив сигарету в пепельнице, торопливо пишет к незнакомкам, желающим, вероятно, изменить этот свой статус на противоположный: «Девушка, цитирующая сонеты Шекспира, – это неординарно. Мои аплодисменты!»; «Сосредоточимся на ненависти к запаху дыма. (*Ходит перед Олей, заглядывая то и дело в её глаза.*)»; «Говорят, у Леночки в голове две ленточки»... Последний текст он без всякого колебания дублирует в ещё десяток адресов, предусмотрительно меняя имена и беззастенчиво рифмуя Аллочку с фиалочками, Танечку с мальчиками, затем встаёт, поправляет галстук, делает последние приготовления к выходу, пряча накопившиеся за день бумаги в стол, подальше от посторонних глаз. Вдруг он обнаруживает вежливое «спасибо» в ответ на своё первое письмо. Его реакция незамедлительна: «Ё! Девушка, цитирующая сонеты Шекспира, да к тому же скромная и вежливая – это уникальное, даже невероятное явление! Бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овации». Хмыкает, бормочет: «занавес»; оглядев рабочее место, суёт под мышку папку и покидает обезлюдевший офис.

Оставим на время Ленинградцева – сам с собою он заговаривает редко, а в мысли его нам пока заглядывать нет особой необходимости; пусть идёт своей сосредоточенной походкой, иногда вскидывая руку и поглядывая на часы. А мы лучше поинтересуемся, что же происходит по ту сторону двери кафе. В зале, где среди прочих посетителей нетрудно заметить знакомые лица и затылки, в дальнем углу светится высоко подвешенный телевизор. На экране отчётливо видно, как хорошо узнаваемый политик, совсем недавно оставивший боксёрскую карьеру, поспортивному легко ворочает мыслью; однако речь его утопает в разноголосом гомоне, где мы различаем слова Андрея: – ...Месяц интенсивных занятий, и я вдруг обнаружил, что совсем неплохо понимаю английский. Во всяком случае, то, что говорят в фильмах. – Андрей сделал хорошо выдержанную пивную паузу. – Конечно, пока не во всех, пока только в порнографических... – Новенький незаметным образом поинтересовался у Димы: а что, Андрей специально отпустил волосы и красит их в белый цвет, чтобы быть похожим на одного известного музыканта? Нет, ответил Дима, это вообще совершенно случайное совпадение, причём без этой причёски между их лицами нет ничего общего, а с ней – сходство просто удивительное, и нередко приходится оставлять автографы. Вот, был недавно случай... Как видно, про-

воды движутся планомерно, и недалёк момент прощанья; по крайней мере, у Димы, с лица которого не сходила искренняя улыбка, и с уст часто срывались шутки и тосты, предстоящее расставанье, как дело практически выполненное, всё явственнее алело в сознании обнадеживающей жирной галочкой. – А вот ещё, кстати, – говорит он громко, показывая глазами на почти безучастного соседа по столу, принадлежащего к части человечества, которая вынуждена передвигаться посредством автомобиля и, будучи в заложниках у собственной собственности, в сущности, является глубоко несчастной, – к вопросу о чае. – Сосед приподнял брови, не переставая помешивать чайно-медовую консистенцию, благодаря фантазии и безысходности заменяющую ему хмельной напиток. – Как вы знаете, в последнее время у нас на кухне стали появляться экспериментальные офисные препараты, причём опыты ставятся на сотрудниках, а целью является сокращение расходов, по возможности без ущерба для здоровья. Вчера это был чай с ароматом банана, со вкусом – рассказчик доверительно оглядел публику – сами знаете чего. Сегодня гляжу – пачка от того же производителя, с запахом манго. Заинтересовался, попробовал. Вкус, знаете ли, всё тот же... Вообще, в последнее время, пока над нами ставят эксперименты, я сделал ряд интереснейших наблюдений. Например, чай «императорский» ничуть не лучше «аристократического». То же можно сказать об «элитном», «королевском» и даже, отчего-то я уверен, о чае, который нам ещё предстоит попробовать, с настораживающим названием «Гранд». По-моему, на наших чаеразвесочных фабриках эти звучные ярлыки налепляют случайным образом, компенсируя, из чувства сострадания к потребителю, третьесортный вкус такими магическими формулами. Кстати, один мой знакомый одессит... – Так проходит минута за минутой, и вот уже Андрей поглядывает на часы, вот уже новенький, обрушив на того гору извинений, не дождавшись окончания, торопливо покидает компанию, при этом не отрывая от уха телефон; автомобилист предлагает свои транспортные услуги, но ведь уже подкатывает заказанное такси. Выбравшись на улицу, сотрудники поочередно жмут руку отважному путешественнику, тот погружается в машину, делая пальчиками на прощание и улыбаясь из-за своих непременных тёмных очков. Тут бы и мы с ним расстались – что может случиться по дороге в аэропорт? – но в такси садится Дима; что же, пожалуй, за ними стоит понаблюдать.

Таксист отключил бестолковое радио, и стало тихо. За бортом проплывают разгорающиеся огни зданий и фонарей, иногда встречные автомобили озаряют салон желтоватым светом. Стало тихо и хорошо. – Ты чего? – после небольшой паузы спросил Андрей с переднего сиденья. – То есть?.. – удивился самовольный попутчик. Он казался рассеянным, будто мысли его блуждали где-то впереди; по крайней мере, его взгляду пришлось какое-то время сосредотачиваться. – Немного проеду с тобой, мне по дороге. У меня деловая встреча. – Он протёр лицо обеими руками. – Как?! – ухмыльнулся главный пассажир, – ещё одна сестричка?.. Ну-ну, где-то я эту историю уже слышал. В. Ленинградцев, уроки конспирации... – Тёмные очки будто преобразились, и теперь в них играл причудливый хоровод беспрестанно движущихся огоньков. Попутчик тяжело улыбнулся: – Да ну, брось. Кстати, насчёт Питера. Недавно мы с ним после работы изучали витрину одного круглосуточного магазинчика на предмет закуски, и нас удивил один предмет, по форме напоминающий колбасу, но по другим параметрам до этого гордого имени явно не дотягивающий. Мы взволновались и стали делать различные предположения, что же мы видим перед собой. Видишь ли, говорю, сосиски и прочие варёные колбасы к мясным изделиям относят скорее традиционно, чем из-за действительного состава продукта. Так что, вполне вероятно, это большая бюджетная сарделька, грубого помола. Он стал спрашивающе и аргументированно возражать: мол, видал он всякие сардельки, но ни таких гигантских, ни таких вызывающе дешёвых не встречал. К нашему обсуждению присоединилась продавщица. Ну, говорит она, вообще-то мяса здесь, конечно же, нет, и соя теперь вздорожала, так то... – Не успела история закончиться, как рассмеялись все, кроме водителя.

Рассказчик проглотил окончание одной мысли и, чуть помедлив, перешёл к другой: – Слушай, а тебе, вообще, зачем всё это надо? Там ведь стреляют, между прочим. Потом, я что-то не слышал о блестящих перспективах тех, кто туда в командировку уже ездил. – Андрей улыбаться перестал. – Да, есть такое. Понимаешь, я ведь сделал всё, чтобы не ехать: попросил тройные командировочные, потребовал гарантию безопасности – а руководство на всё согласилось. Может быть, для них это очень важно. Или, не исключено, им срочно нужна вот такая белая обезьяна, чтобы производить впечатление. Ведь у компании есть виды на правительственные контракты... Короче, я уверен, что значимость моей персоны сильно возрастет. – Он посмотрел по сторонам. Машина спускалась к днепровским водам, будто погружаясь в незримую влажную прохладу. – Что же, – произнёс он, – откровенность за откровенность. Думал, уеду, и всё буду мучиться вопросом. Моё спокойствие в твоих руках. Скажи-ка, с какой это кишкой тебя сегодня видели? Я имею в виду что-то такое чёрное, шлангообразное... – Дима удивился дважды: сначала интересу окружающих к собственной персоне, затем собственному удивлению. – А, ты вот о чём, – ответил он, приподнимаясь на сиденье, – это пустяки. Термический кембрик, всего-навсего. Не знаю, правда, зачем эта штука нужна. Надо спросить у сисадмина. Может, тараканов из щелей выдувать, а может, впечатление производить. – Он придвинулся к водителю. – Остановите у перекрёстка. Да, вот здесь.

– Держись, товарищ, нам тебя очень будет не хватать, – сказал он без тени иронии и после решительного рукопожатия покинул автомобиль. Такси на прощанье подмигнуло, произнесло что-то тёплое на своём машиньем языке и унеслось в сторону моста, за которым во тьме виднелись огни другого берега.

Развернувшись спиной и к мосту, подставившему свой горб жужжащим автомобилям, и к подсвеченной прожекторами монументальной фигуре, упорно именуемой в народе из-за её неимоверного роста просто дурой, твёрдым шагом пешеход устремился прочь от шума, по дороге, по сторонам которой высятся деревья, вместе с ней взбираясь по склону холма. Нечастые фонари едва освещают путь, так что между ними, если запрокинуть голову и напрячь глаза, можно увидеть звёзды. Сладковатый запах, всё явственней ощущаемый в воздухе, прохладный от близости воды, характерен для монастырей и кладбищ, и когда показывается площадь перед оградой с воротами и калиткой, он поглощает всякое напоминание о заботах большого города, а лучше сказать – о суете мирской, поскольку за оградой виднеются монастырские своды. У входа скупает человек, одетый вполне цивильно, однако странным образом вид его очень даже гармонирует с обстановкой – возможно, из-за жёлтого освещения и тёмных тонов одежды. При появлении пришельца он оживляется, невольно вскидывая запястье и бросая взгляд на часы.

– Поздно вы что-то. Проблемы с транспортом?.. – вопрошает чёрный человек, освобождая проход и жестом приглашая войти. Дорожка вдоль высоких вечнозелёных (по крайней мере, хвойных) кустов благодаря песчаной поверхности скрадывает звуки шагов. Она ведёт мимо тьмы по левую руку, откуда раздаётся незатейливый стрёкот кузнечиков, мимо входа в комнату послушников по правую руку, откуда слышны негромкие звуки неторопливого движения человеческих тел, вперёд, к порогу и крутой лестнице. Деревянные ступени под ногами почти не прогибаются; внутри тихо и прохладно. – Держитесь за поручень, – говорит провожатый, – прошу, на второй этаж. – Пройдя несколько сквозных комнат, они оказываются в помещении, где о монастыре напоминают лишь некоторые украшения стен да двое в рясах; впрочем, остальная часть собрания одета в форму делового мира, в пиджаки и галстуки. – Присаживайтесь, вот вам табуретка, – шёпотом говорит услужливый голос и растворяется где-то позади. Чуть приподнявшись на локтях, над одним из столов возвышается молодой человек в ленноновских очках, все его слушают с разной степенью сосредоточенности.

– ...Ещё нам следует определиться с калибром, – сообщил докладчик. – Одно дело – выдумать что-нибудь монументальное, необъятное, эдакий воображаемый Колизей, почти

не боящийся времени. Идеи такого масштаба у нас наперечёт. И совсем другое – идейки размером не больше булыжника, этого добра хватит всем желающим и сомневающимся. Кстати, господа, прошу обратить внимание на аналогию: настоящий Колизей, испытывающий теперь ежедневные нашествия туристических толп, давно был бы разобран по камешкам, если бы заботливые службы не удерживали памятник старины в ткани действительности, завозя каждую божью ночь на объект по два самосвала гравия из ближайшей каменоломни. Забота о кармане потребителя, господа, – он неторопливым жестом поправил свою и без того безупречную причёску, – обогащает.

Дима не стал присоединяться к негромкому смеху, и даже почти не отреагировал на чуть ли не дёрганье себя за рукав кем-то, сидящим рядом и чуть позади, очевидно, испытавшим от прозвучавшей шутки удовольствие, которым непременно хочется поделиться с окружающими. Нет, он только подался вперёд, и на лице его можно было бы видеть сосредоточенную работу мысли, если бы кому-либо за лицом этим в данный момент было интересно наблюдать.

В меру конспиративное освещение будто переносит фокус от одного говорящего к другому. Вот зашевелился человек под окном, и лысина его слегка блестит, гармонично дополняя отражение ламп на чёрной поверхности стекла и свечение огонька сигареты. – Всё же, на правах экс-председателя клуба, я позволю себе замечание такого рода. Хоть мы и задались целью освежить наши ряды, чтобы вместе с новым руководством, новыми людьми у нас появились новые мысли, думаю, старый опыт со счетов совсем сбрасывать не стоит. – Он выразил почтение предыдущему оратору исполненным достоинства кивком головы, и довольно живо продолжил: – Тут ведь ещё вопрос в адресной группе. Известно, что для большей убедительности аргументация должна быть из области некомпетентности слушателя. Так, для домохозяек по вопросам вне быта достаточным будет мнение, например, продавца стиральных машин. А для него, если зайдёт речь о насекомых, убедительными покажутся суждения археолога. Археолог в медицинской проблематике вполне доверится капитану дальнего плавания, тот сочтёт достаточными аргументы профессора минералогии относительно влияния литературных памятников на современную историю, а профессор во всём, кроме своих минералов, легко согласится с собственной женой. – Лысина будто озарилась изнутри ровным сиянием мысли. – Кроме того, коллеги, надо иметь в виду специфику аудитории: одни и те же слова для разных специалистов могут значить совершенно разные вещи. Например, недавно меня пригласили осветить один вопрос по нефтехимии, который сегодня так будоражит общественность, для крупных таможенных чиновников. Кстати, некоторые из них гораздо крупнее знакомых мне крупных учёных. Да, так вот, описывая допустимые, с точки зрения науки, масштабы естественных потерь нефти и газа при транспортировке, я вспомнил некогда популярную в академических кругах гипотезу о зарождении жизни из нефтяных молекул, и в порядке разрядки принялся шутить, что в случае эдакого вырастания ног у энергоносителей к анализу следует привлекать биологию, социологию или, скорее даже, прокуратуру. Однако вместо того чтобы рассмеяться, как это делают мои студенты, таможенники, поблагодарив за идею, стали между собой совещаться, а не стоит ли применять к нефти фитосанитарный контроль и всё такое прочее.

– Да, – вновь заговорил молодой человек в тонких очках, – мысль интересная. Однако я всё же думаю, что нам следовало бы сначала определиться для себя: что мы, собственно говоря, ищем? Что мы хотим сказать народу? Вспомним, как ещё совсем недавно будоражила умы идея отыскать и вернуть на родину бочонок золота, что гетман Полуботко заботливо оставил для грядущих поколений в английском банке, да вернуть с процентами, которых всей стране хватит, чтобы жить беззаботно никак не менее года. Теперь всё затихло... – Он вздохнул, не то от жалости, не то запасаясь воздухом, с процентами.

– Ну, как же, помним-помним, – отозвался лысый лектор, – это наша разработка, между прочим. Но такого рода проектами нельзя злоупотреблять. Представьте себе, что Леонардо

да Винчи не ограничился бы единственным портретом Моны Лизы, а поставил бы это дело в серию: «Джоконда на балу у герцога Савойского», «Мона Лиза, плачущая на фоне кавалерийских манёвров», и так далее. Художественная ценность исходной картины существенно бы снизилась. И рыночная – тоже.

Он потянулся и зевнул, и всё тело его затрещало, будто крышка старого рояля. – Действительно, мы настолько необязательны, будто у нас у каждого в запасе по две-три жизни, а то и больше. Всё из-за бесконечных уклонений от темы, вечно нас отвлекают посторонние вопросы. Кстати, приведу пример того, какими дурацкими вопросы бывают. Как-то на железнодорожной платформе, ожидая прибытия электрички, один немолодой и весьма серьёзный человек спросил у меня, во сколько сегодня произойдёт закат солнца. Совершенно случайно я в точности знал ответ и назвал час и минуту. Однако смысла во всём этом явно не было, тем более что когда прибыл поезд и я отчаливал в Базель, немолодой человек, тоскливо оглянув пустынную платформу, посмотрел на часы, на солнце, на уходящий поезд, аккуратно опустил в урну букет цветов и отправился прочь. Или вот ещё образец. Только тут уж не сам вопрос дурацкий, а его постановка. Я как раз выходил из пивной, где когда-то бывал Уинстон Черчилль. На лавочке под памятником ему же, двое господ, не опускавшихся в своей беседе до англосаксонского наречия и говоривших по-русски, 17 мая, в 15:20, обменялись такими словами: – Так вы полагаете, коллега, Запад удручён? – говорил один. Второй задумчиво отвечал: – Вне всякого сомнения...

Из угла, откуда на собрание безучастно взирает архангел Гавриил, раздаётся неторопливый голос усатого человека неопределённой восточной национальности: – Сколько лет уж как ищем. Ещё немного, и придётся искать идею для нас самих, да. А может, обстоятельства так складываются, что она никому просто не нужна? Ведь иначе она обязательно бы уже появилась и проявилась, и мы бы её заметили.

Встрепенулся ещё один человек в центре комнаты; в его речи и движениях, хотя не особенно-то он и двигался, как-то сразу угадываются хорошие манеры его родителей. – Прошу прощения, – заметил он, – но здесь же нет ничего сложного. Культивирование этнического мифа практикуется давным-давно. Например, в большинстве своём мифологию малых народов на территории нашей в прошлом необъятной родины создавали буквально с нуля, выдумывая песни, сказки и легенды, причём обычно силами творческой интеллигенции из центра, сами знаете какой национальности (воображаю, как потешались сочинители очередного «древнего» эпоса). И ведь дела их живы до сих пор. Сегодня я вижу проблему в ином: явно не хватает идеи такого масштаба, чтобы она завладела более широкой аудиторией, чем умещается в одной отдельно взятой стране.

– Господа, предлагаю всё же быть немного конструктивней, – блеснули тонкие очки. – Давайте послушаем, что нам хотят сообщить наши гости. Кто желает высказаться?

– Я должен напомнить об ответственности, – вторил ему экс-председатель. – Об ответственности, так сказать, перед потомками. Приведу простой пример. Был один проект, по распространению православия на языках народов Поволжья. Поскольку языки эти не имели письменности, возникла мысль кодифицировать их с помощью арабского алфавита, что, казалось бы, вполне естественно. Однако спохватились вовремя: ведь арабская письменность соединила бы эти народы совсем к другим проектам, и тогда стало бы отнюдь не до православия. – Он рассеянно глянул немного вверх и в сторону, где виднелась икона с ликом архангела Михаила.

– Позвольте мне, – отозвался Дима. Рядом с ним образовалась подобающая моменту тишина, и даже неугомонный человек, всё время не находивший себе покоя, перестал обозначать своё присутствие. – Когда неделю назад мне предложили выступить с докладом на заседании «Клуба птички Феникс», я предположил, что вас интересует, по большей части, игра ума, а не практическая сторона вопроса. Поэтому моё выступление прошу рассматривать как

художественный опыт, призванный подстегнуть работу фантазии и содержащий в себе некоторые побочные соображения, которые, вполне вероятно, можно развить во что-нибудь, имеющее практическую пользу. – Публика не стала прерывать оратора. Только под окном хрустнули суставы, и экс-председатель тепло, по-отечески приветливо улыбнулся.

– История эта уходит корнями в глубокую древность, а содержанием своим немного вышшеается над настоящим. Протягивает ли она свои побеги в грядущее, судить, конечно же, вам. Было это давным-давно. В одной далёкой стране, где крестьянский труд приносил радость, горожане находили удовольствие в ремёслах, воины прилежно несли стражу и совершали победоносные походы в дикие земли, правители вели дела так, будто смотритель башенных часов следит за исправностью механизма, однажды, как всегда бывает, люди захотели перемен. Но, конечно, не землепашцы и не ремесленники – им-то с чего? – а люди просвещённые и потому наделённые бременем заботы о судьбах мира, то есть государь и его администрация. «Мы живём в дивную эпоху, – говорил государь, возведя очи к потолку, будто вознося хвалу небесам, – казна наша из года в год приумножается, народ благоденствует, нет ни вражеских нашествий, ни голода, ни мора. Земли наши обширны и плодородны, искусства дивны, науки совершенны... И явилось нам сегодня такое видение. Будто во время прогулки дорожный песок от лёгкого дуновения ветра поднялся в воздух, затем опал, сложившись сам собою в нерукотворную надпись, которая гласила: да воздастся должное. Что это значит и как следует поступить, нам сейчас поведают советники». И действительно, тут же говорить вызвался воевода, с бородавкой на носу, снискавший славу отчаянного толкователя снов после того, как три года назад объяснил государеву видение сморчка тем, что вскоре родится престолонаследник, и это вполне подтвердилось примерно через месяц. На этот раз он сказал, что где бы спорить, а тут нет сомнений, так напоминают о себе западные племена, которые давно бы следовало вырезать на корню; в этом году по всем раскладам в поход идти нужно на них. Не менее практичен был верховный жрец: он заявил, что послание ясно, как утреннее небо – так о себе напоминают высшие силы, и чтобы их не прогневать, стоит подумать о неизбывном долге перед ними и не жалеть хотя бы некоторое время ни сил, ни денег. Однако вернее всех уловил настроение повелителя начальник тайной полиции. Он отметил, что местами слышны разговоры о жестокости порядков, о том, что новый вседержитель не лучше предыдущего, – другими словами, есть некоторый переизбыток людишек, и следовало бы устроить внеочередную публичную казнь; но есть и другое соображение. Не лучше ли направить стихийную силу ропота в созидательное русло? До сего дня подданные телом принадлежат государю, сердце отдают богам, и только помыслами предоставлены сами себе. Но что, если вложить в бесцельно пустующие головы идею, которая завладела бы ими без остатка? Таковую идею, ради которой не жалко было бы и живота своего? Да чтобы она исправно несла казне доход?.. Государь поначалу слегка морщился, и прочие советники чутко улавливали настроение; воевода негромко позвякивал оружием, а жрец сложил руки на груди и терпеливо глядел в пол. Но под самый конец незримые чаши весов склонились в сторону, благополучную для начальника тайной службы, и было сказано, что в словах его содержится зерно будущих свершений. Тут уж общий настрой с удивительной лёгкостью переменялся. Стали советники увлечённо судить да рядить о том, в какие такие формы лучше облечь идею служения отечеству, чтобы она, кроме всего прочего, подобно слухам о скором конце света, не нуждалась в постоянном напоминании со стороны властей, но передавалась от поколения к поколению совершенно самостоятельно. Будто не она является темой досужих разговоров, а сами люди – фрагменты её рабочего механизма, причём не всегда обязательные. Воевода предложил всем подданным сунуть в руки по копы, организовать учения, а впоследствии устраивать сборы. Патриотическое воспитание проводить смолоду, на средства общин. Народ-воин – дисциплинирован и неприхотлив. Нет в нём ни капли вольнодумства. Служить обязывает долг. Жрец, нетерпеливо слушавший военачальника, дождавшись слова, сразу же предложил план обширного строительства разного рода хра-

мов и монументов. Ведь того хотят боги. Но если боги удовольствуются одним лишь внешним видом построек, то пустая казна будет взирать на сооружения с горькой тоской. Поэтому строительный налог, который подданные будут уплачивать с радостью высокого служения, следует в основном направлять на государевы нужды. От этого и доход будет постоянным, и возведение монументов, а значит и наличие достойной цели, затянется надолго, возможно и навсегда. Тайный полицейский мысленно потирал руки, и мысль об этом бродила по его лицу. Он поблагодарил каждого и с лёгкостью объяснил, что нельзя всех сделать воинами или служителями культа, кто-то должен и пахать. Есть другое предложение. Пока что для управления человеком мы используем принуждение насилем, страхом, и его алчность и зависть. Он, в общем-то, чувствует, кто его дёргает за ниточки, даже порой в неудовольствии поднимает кверху глаза. Но мы дадим ему иллюзию свободы, то есть вложим в руки другие нити, за которые он сможет дёргать себе подобного, а тот – его, и пусть эти двое, пусть все подданные, не зная ни покоя, ни усталости, в экстазе взаимного подёргивания сами собой друг другу лезут в карманы – а уж как распорядиться избытком средств подскажем, конечно же, мы. Есть в народе такая игра: мальчишки делятся на две команды и гоняют по двору старый бурдюк, набитый травой; каждая из команд выбирает ворота и выделяет стражу, чтобы бурдюк не смог в них прошмыгнуть. Я немного усовершенствовал правила, но главное не это. Нужно из игр сделать игрища, из озорства зрелища, завести несколько бурдючных клубов, чтобы они публично соревновались между собой, чтобы на них смотрели, за них переживали, ради них платили... Начальник тайной полиции долго ещё говорил, чертил в воздухе виды стадионов и планы финансовых поступлений, и на всё это снисходительно и с интересом взирал повелитель. И стало по сему. Люди поначалу с некоторым недоумением отнеслись к еженедельному появлению на площади состязания рабов, поделённых – очевидно, для удобства различения – на две команды по цвету кожи. Да и сами игроки втянулись в процесс не сразу. Но потом бурдючный бум, конечно же, охватил всех от мала до велика (понадобилась всего одна казна скептически высказавшегося водовоза), распространился по всей стране и за её пределами. Правила менялись, носиться за кожаным мешком стало не зазорно и свободным гражданам, и даже государь во время вручения кубка храма взволновался, почував в своём сердце лёгкий толчок неожиданной любви к игре. Казна полнела; военные выезды стали нерегулярными и часто ограничивались назидательным проведением открытого чемпионата среди дружинников; в ритуалы храмовой службы постепенно проникла бурдючная логика; даже в совещаниях у правителя дотоле разрозненные советники стали сами собой организовываться в команды, комитеты и фракции. Прошли многие годы. Когда завоеватели подчиняли себе это древнее царство, они остались равнодушны к архаике старого мира – ни обветшалые строения, ни клинопись, будто пришедшая из неолита, ни пантеон богов... их вообще ничто не заинтересовало, кроме богатств. Но странная игра, которая проникла всюду, подобно вирусу въелась и в культуру победителей. Прошли тысячелетия. Сейчас от тех времён остались лишь черепки да скупые упоминания хронистов. А игра, изменившись и овладев пространствами и умами, постепенно преобразила мир вокруг себя. Она произвела состязающиеся религии, парламентаризм и культ спорта. Она, можно сказать, и поныне движет человечеством и человеком, который мнит себя свободным. Впрочем, я увлёкся. Благодарю за внимание.

Докладчик слегка поклонился и собирался присесть, но его движение остановил восточный человек: – Вы, конечно, шутите, – сказал он, – и если кто-то захотел бы квалифицировать рассказанную историю как не имеющую отношения к реальности выдумку, то я предложил бы ему воспринимать рассказ как сочетание исторического антуража и поучительной притчи. Как именно интерпретировать содержательную часть, вопрос отдельный. Однако что касается достоверности деталей, должен заметить следующее. Во-первых, обращаю внимание присутствующих на то, что массовое использование бурдюков в военных целях было распространено у ассирийской армии – с их помощью солдаты форсировали реки. Во-вторых, вот что

не даёт мне покоя: в данном, без сомнения месопотамском контексте – примерно я бы датировал его XXI столетием до нашей эры – отчего-то не упоминается храм лунного бога Нанны, возведённый в Уре. А ведь это, наряду с завоеванием Ашшура, войнами с хурритами в горах Курдистана, был величайший нац. проект того времени, кстати, оставивший след в литературе как образ Вавилонской башни. – Ответ был таков: – Видите ли, дело в том, что понастоящему великие, успешно завершившиеся проекты такого масштаба влияют на будущее настолько сильно, что сами кажутся естественными и, следовательно, незаметными явлениями. В то время как неудачные начинания, да ещё и катастрофические, делают гораздо больше шума.

– У меня есть замечание географического толка, – отозвался бывший председатель. – У сморчков, знаете ли, есть такая особенность, что они в Месопотамии не растут. И это несколько портит вашу вполне поучительную историю. Вообще, мысленно перебирая древние источники, составленные в том климатическом поясе, где она происходит, ту же Библию, я что-то не могу припомнить ни одного упоминания хоть каких-нибудь грибов. А для отваров и ядов там используют змей, колдунов, прочих гадов... Так-то. Профессионализм сидит в мелочах.

Тут рассказчика, воспринимавшего добрую критику с немного несерьёзной улыбкой и без комментариев, дёрнули за штанину, он обернулся, удивился – и сел. Нетерпеливый слушатель – это, оказывается, никто иной, как В. Ленинградцев. В руке он держит курительную трубку внушительных размеров, которой, впрочем, не дымит, а совершает в воздухе невольные хаотические движения. Вставая, он тихо шепнул Диме: «Ну, ты даёшь!» – и обратился к аудитории.

– Уважаемые господа! Когда меня пригласили на заседание вашего клуба, я подумал, что стране нужны конкретные национальные идеи, и хотел с вами поговорить о проблеме ассимиляции иммигрантов, их эксплуатации в народном хозяйстве, быту, и т. д. Но тема предыдущего доклада мне кажется настолько интересной, что лучше я просто кое-что добавлю к ней. Иначе мы не закончим и до новых помидоров. Вот я думаю: а почему мы поступаем так, а не иначе? Например, почему мы здесь собрались? Может быть, нам это просто интересно. А может, какая-то сила так обставляет обстоятельства. В природе это происходит запросто: если паразиту для размножения нужно заставить своего носителя сделать нехарактерное, опасное действие, то он химически или ещё как-то воздействует на психику носителя, и привет. Так, в речной рыбе обнаружены микроорганизмы, заставляющие её выпрыгивать из воды, чтобы попасть в клюв хищным птицам. А обитатели кузнечиков вынуждают бедняг прыгать в воду, где паразит выходит из хозяина и продолжает свой жизненный путь. Вот я и думаю: то ли мы сейчас пытаемся управлять людьми, то ли нами что-то управляет... Вопрос философский, непростой. Я пока не готов ответить. – Он устремил свой взор в тёмное окно, туда же направив кончик своей трубки. – Мне с ним нужно переспать.

Так случается: жизнь, вместо того чтобы принять устойчивые формы, заставляет тебя совершать поступки, в которых ты сам себя не узнаёшь. Не далее как вчера я купил килограмм апельсин и почти всё съел сам. Спрашивается, почему? Точно могу сказать, что и в мыслях ничего подобного не держал. Или вот ещё: тогда же я уверял одну девушку, что умею разгонять тучи выстрелами пробок от шампанского. С чего это вдруг? А ведь, что интересно, с рассветом небо просияло, тучи разошлись, и казалось, будто в прохладном утреннем воздухе всё ещё кружат не угмонившиеся за ночь винные пузырьки. Хватило одного выстрела.

Святое воинство с терпением, недоступным для живых людей, смотрит со стен на переглядывающихся заседателей. Экс-председатель вставать не стал, но возвысился над присутствующими каким-то другим способом – вероятно, изученным благодаря непростым упражнениям в бывшей партийной школе.

– Когда меня пригласили на заседание клуба, – размеренно проговорил он, – я примерно представлял себе круг идей, которые неизбежно возникнут в свежих головах. И я ока-

зался прав. Но – за одним небольшим исключением: не ожидал очерчивания столь масштабной перспективы отсутствия выбора. Прямо и не знаю: у вас получается что-то вроде «вот стою на камне, дай-ка брошусь в море»⁵.

Он оглядел присутствующих, будто прошёлся вдоль них, и добавил: —

Вот стою на камне,
Дай-ка брошусь в море.
Что пошлёт судьба мне —
Радость или горе?

Может, озадачит,
Может, не обидит.
Ведь кузнечик скачет,
А куда – не видит.

---

⁵ Стихотворение Козьмы Пруткова «Перед морем житейским».

Питер

Чайки... волны... На краю континента, где океан в нетерпении дует на разогретый берег, прежде чем его проглотить, ветер играет чайками и волнами. Только скалы да суровые матросы, надвинув бескозырки на брови, сдерживают натиск неистового врага. Но здесь, на затоке Днепра, тихо. Нет ни птиц в небе, ни ряби на воде, ни волнения под лучами жёлтого солнца. Жара.

От горячего песка разогревается воздух и выгибается подобием линзы над уже порядком забронзовевшей спиной гражданина отдыхающего. Но тому всё нипочём, он задумчиво ковыряет во рту зубочисткой и смотрит вдаль. Со стороны могло бы показаться, что он разглядывает купальщиц, но это не до конца верно: взгляд его вот уже полчаса затуманен, а в голове витают воспоминания детства. Рядом с ними, возможно – в другом полушарии мозга, сама собой тюкает пишущая машинка неизвестной конструкции, из неё выползает нескончаемая полоса бумаги: «Шаббат начинается в пятницу. В. Ленинградцев. Одноэтажный городок, в котором я вырос, был наполовину еврейский, хотя я, конечно, об этом узнал, когда уже повзрослел. С нежностью в сердце вспоминаю мою учительницу русского языка Дору Абрамовну и супруга её дядю Борю. Жили они скромно, из роскоши имея только автомобиль для передвижения и квартиру для жизни; но разве можно назвать это роскошью?.. Дядя Боря промышлял ремонтом обуви – чинил подмётки, прилаживал каблуки, и вдоль окон квартиры, в которой кроме стеллажей с книгами, довоенного пианино и скромной мебели ничего не было, блестели на солнце своей лакированной поверхностью сапоги и туфли заказчиков. А среди постоянных клиентов были и соседи, и жители весьма отдалённых окраин. – Вы думаете, – говорил дядя Боря, – я вам ремонтирую обувь? Нет, я даю вашим ногам новую жизнь! Разве не стоит она нескольких советских рублей?»

Бросить всё и поведать миру о дяде Боре! О том, как он возил в поле колхозникам воду, по копейке кружку, в долг, вкусную и холодную, не то, что в общей бочке. Как в конце месяца народ почёсывал затолок и отсчитывал рубли... Бросить всё! Но нет – оно, это всё, цепляется за нас, как репейник за одежду.

Раздаётся телефонный звонок, приходится лезть в аккуратно сложенные брюки, и мы становимся невольными свидетелями таких слов: – Питер на проводе!.. Уже в Турции? Быстро. Хорошо, сообщу. Не забудь документы. Для отчётности. Как погода?.. Как люди?.. Ну, не пропадай, мы все за тебя переживаем. До связи. – Так дела отвлекают людей посреди самых интересных занятий. Но разве можно поддаваться их давлению в субботу?..

Где-то глубоко в душе Ленинградцев – копия Аполлона, высокий и стройный искуситель дамских сердец, надменно взирающий на окружающих сверху вниз. Но снаружи он невысок, сутуловат и довольно тощ, и если бы не тяжесть политкорректности, мы легко могли бы назвать его крепышом Бухенвальда. Такое несоответствие содержания и формы, увы, всегда обидно. Зато именно оно заставляет человека буквально выворачиваться наизнанку, чтобы осчастливить людей своей внутренней красотой. В ход идут все доступные средства. Некоторые утверждают посредством занятий каким-нибудь смертоносным видом единоборств, хоть боевым гопаком; иные примыкают к музыкальным движениям радикального толка, шокируя внешним видом обывателей; кто-то очертя голову бросается в искусство, причём не ради наслаждения красотой, как все нормальные люди, а с целью эту самую красоту произвести. Все творцы такие, приглядитесь к любому портрету какого-нибудь деятеля искусств: притягательная внешность – плод титанических усилий; стоит только автора лишить его произведений, будто их и не было, как перед нами предстанет существо жалкое, толком ни на что не способное. Глаза его потухнут.

Сколько же надо приложить сил, чтобы из ничего, из вороха слов и жестов создать своё настоящее, наделённое смыслом лицо! Это сложнее, чем рисовать боевую маску ирокеза или возводить картонный домик. Но и результат куда надёжней: с годами следящие за собой девушки всё больше времени, всё с меньшим толком вынуждены уделять искусственной поддержке внешности, а содержательные мужчины с возрастом в обаянии только прибавляют. И привлекают внимание, если только этого хотят.

Довольно о красоте. Пока мы рассуждаем, невольно поглядывая на затылок В. Ленинградцева, к нему, безошибочно выделив его среди отдыхающих и, быть может, заранее договорившись о встрече, подходят молодой человек и девушка, в штатском, безобидной наружности. Облик их не особо сочетается с местной спецификой, и они начинают потихоньку снимать верхнюю одежду, умудряясь держать на весу и блокнотик с ручкой, и диктофон. Журналисты.

После обмена приветствиями, представлениями и рукопожатиями, девушка (Д.) включает свою звукозаписывающую машинку и начинает задавать вопросы, а молодой человек (М.) что-то отмечает в блокнотике.

Д.: – Скажите, господин Питер, что побудило вас выбрать именно это место для нашего интервью?

Ленинградцев (Л.): – А что? По-моему, вполне естественный выбор. Было бы странно, если бы я пригласил вас, например, в библиотеку. Раз уж мы собрались говорить о людях, то делать это лучше среди людей, вы не находите? Кроме того, их количество здесь вполне оптимально. Во всяком случае, рядом с моими туфлями вы найдёте место для своих кроссовок – молодой человек, не стесняйтесь, – но в то же время вашему взгляду будет, на чём остановиться.

Д.: – А чем плохи безлюдные места? Ведь там человек может обнажиться по-настоящему, соединиться с природой...

Л.: – Как психолог по образованию я вам это с удовольствием объясню. Человек по своей природе не выносит долгого одиночества, а некоторые занятия вообще имеют смысл только при наличии других людей. Вот, скажем, писатели или журналисты. Сами себе они и даром не нужны, им необходима аудитория. В одиночестве можно, конечно, плодотворно изводить бумагу, но без публики эта бумага мало для чего пригодна.

М.: – То есть, тут присутствует некоторый момент эксгибиционизма?

Л.: – В той же степени, что и вуайеризма. Так уж получается, что любое слово из лексикона психологов, попадая в обиходный оборот, постепенно теряет своё значение и понятный узкий смысл, и поэтому специалистам иногда даже приходится выдумывать новые слова. Ну вот, под эксгибиционизмом, этой незамысловатой перверсией, теперь понимают чуть ли не размещение своей анкеты в интернете. Современные коммуникации разделяют людей ещё больше, чем расстояния в доиндустриальную эпоху, потому что раньше у людей хотя бы возникало желание увидеться друг с другом, а сегодня нет и этого. Даже телефонный разговор кажется рудиментом, когда можно отправить пару строчек по сети. Вот увидите, мы ещё дождёмся, что общественной жизнью будут жить наши электронные секретари, а до собственно людей вообще никому не будет дела. Человек, закутанный в одежду, одетый в культуру, стены которой крепче крепостей укрывают внутренний мир от внешнего взгляда, человек, опутавший себя сетями из предрассудков и табу, спрятавшийся за непроницаемым веществом розовых, зеркальных, тёмных очков, – как эти люди могут увидеть друг друга?..

Д. (поправляет причёску, поддерживаемую поднятыми на лоб солнцезащитными очками): – Да у вас настоящий талант рассказчика!..

Л.: – Ну, разумеется. Вот слушайте дальше. В доисторическую эпоху люди, слезши с дерева и отправившись покорять континенты, забрели в суровые края и принялись кутаться в шкуры убитых животных из-за холода. В Древней Греции, где климат был мягким и тёплым, надобности в одеяниях практически не было. Поэтому неудивительно, что на Олимпийских

играх тогда единственной деталью туалета была, пардон, прищепка на крайней плоти – чтобы не нарушать норм приличия; правда, женщин туда из тех же соображений вообще не допускали. Позже людей стали одолевать различного рода комплексы стыда наготы. В самых разных культурах мы видим то сарафан до пят, то китель на все пуговицы. Полагая, что обнажённая натура порождает похоть, римский папа Пий IX собственноручно лишил причинного места скульптуры мастеров Возрождения, и зияющие изъязны пришлось закрывать фиговыми листочками, из алебаstra. В определённых кругах культивируется легенда, будто листочками прикрывались Ева с Адамом после дегустации отрезвляющих плодов с древа познания добра и зла. Но я скажу, что это, наоборот, было дерево помутнения рассудка, с наркотическими плодами, погружающими людей в состояние, когда они видят вместо простых и естественных предметов чёрт знает что.

М. (водит ручкой по блокнотику): – ... Чёрт знает что.

Л.: — Да-да, чёрт знает что!.. Теперь мысленно перенесёмся в средневековье. Города с узкими улочками, совмещёнными с канализацией – то есть помои выливаются прямо из окон; лошади и прочая живность вносят свой неповторимый вклад в общую атмосферу; неудивительно, что в такой обстановке обывателям мыться нет никакого резона. Даже благородные господа совершают омовения разве что при крещении или форсировании рек. Крестовые походы открывают европейцам обычай содержать себя в чистоте – кажется, за это мы должны благодарить арабов не меньше, чем за десятичные цифры. В те суровые времена люди не знали стиральных машин, и чтобы роскошь нарядов отделить от запахов тела, использовалось нижнее бельё... Вы следите за моей мыслью?

Д. и М., переглядываясь: – Следим.

Л.: – Это хорошо. Так вот... – Внезапно в круг общения влетает посторонний предмет – волейбольный мяч. Молодой человек отыскал глазами игроков и, стараясь поскорее избавиться от нарушителя беседы, поднимает его и неловко отправляет кулаком в их сторону. – Так вот, – продолжает Ленинградцев, – надо сказать, что... Вот в этом вопросе, похоже, и появилась ясность: современному человеку можно купаться в ванной в режиме самой откровенной интимности, можно приходить на пляж и с головой погружаться в какую-нибудь книгу, но ни то, ни другое не позволит ему по-настоящему раскрыться. Человеческая сущность, обнажённая снаружи и раскованная изнутри, только тогда обретает значение, когда оказывается среди себе подобных, открытых миру, свободных перед собой.

Д., поправляя бретельку на плече: – То есть, чтобы раскрыться, надо раздеться.

Л.: – Вот-вот, вы понимаете! Но чтобы это ещё и почувствовать, вам придётся раздеться до конца.

Журналисты посмотрели друг на друга, потом по сторонам, и, не оборачиваясь, принялись снимать остатки одежды. Несколько неловких секунд, и они почти ничем не отличаются ни от окружающих, ни от интервьюера. Тот встал, потянулся, разминая затёкшие члены, потом критически и вместе с тем дружелюбно оглядел ещё стесняющихся своей наготы уже почти состоявшихся нудистов, почесал впалый живот, потом не особо выпуклую грудь, и сказал: – А теперь – вперёд, в воду, смывать следы от фиговых листочков.

Нудисты – народ простой. Не обращая внимания на характерные белые пятна в основном уже загоревшей кожи, новеньких приняли как родных. Через некоторое время журналисты, детально ознакомившись с внешним видом друг друга, прислушавшись к своим ощущениям изнутри и не найдя во всём этом, по большому счёту, ничего предосудительного, уже играли в волейбол. Солнце заходить и не собиралось, вокруг царили безмятежность и лёгкое опьянение от чрезмерной, по городским меркам, насыщенности воздуха кислородом. От переизбытка чувств иногда кто-то бросался в воду с разбега.

Нудисты – народ простой, а Ленинградцев – человек сложный. Он не стал рассказывать журналистам, что сделал выбор в пользу обнажённого купания хоть и сознательно, но всё же под давлением обстоятельств, с которыми нельзя было не считаться: во-первых, ему было интересно. Во-вторых, в тот самый момент, когда не пойти на пляж значило бы окончательно отказаться от участия в купальном сезоне, Ленинградцев обнаружил, что магазины в зоне его досягаемости торгуют плавками, цена которых приближалась к его трёхдневному прожиточному минимуму, а наличных денег хватало ровно до понедельника, и то, если их особо не тратить. Кроме того, широко известно, что на «текстильных» пляжах появление в трусах обыкновенных, даже импортного производства, отнюдь не приветствуется. Что же выбрать? Выбор очевиден.

Тайной для окружающих остались также и мысли, к которым он постепенно вернулся, несмотря на деятельное участие в невинных, и оттого по-детски трогательных подвижных играх. Для окружающих, но не для нас. Взбивая воду растопыренными пальцами ног или становясь недалеко от берега на руки, или же пуская волну на влажный песок, он улыбался. В момент, когда всю троицу пригласили играть в волейбол, он сказал себе: «Как странно! От дяди Бори, этого невыразительного провинциального человечка, вынужденного из небытия от скуки и для забавы, останутся мои замечательные истории, а от меня – разве что сегодняшнее интервью про нудистов». А глядя на подпрыгивающих мужчин, поначалу приковавших внимание журналистки своими выдающимися достоинствами и недостатками, он почему-то подумал, обращаясь к воображаемым собеседникам: «Ну, господа, давайте начнём ещё развивать нашу самобытную керамическую свистульку...»

И только телефон, неизменным призывом оглашая пляж, заставил Ленинградцева после секундного колебания бросить весёлый коллектив и тоскливые мысли, спешно направиться к вещам. Найдя беспокойный аппарат и услышав приветствие, он отвечал: – Питер на проезде. – Лицо его приняло служебное выражение. – Только что выходил на связь. В Стамбуле, завтра в сторону границы... На увольнение?... хорошо, подготовлю. Но... Нет, я не в офисе. Загораю. Давай, до понедельника.

«Какие люди нас покидают, – немного ёрничая, подумал он, вертя в руке умолкший телефон. – Трудился человек, любил жизнь, заказывал визитки. А теперь от него останется несколько строчек в приказе об увольнении. Что тут скажешь? Человек, прощай».

Если враг показался вдруг

Посмотришь на современных турок и задумаешься: ну как, как эти люди, которых сегодня, похоже, интересуют только деньги туристов, смогли когда-то отнять у европейской цивилизации наш Константинополь? Верить ли Брокгаузу с Эфроном, читая о несравненной, блистательной Порте? Куда подевались дикая ненависть, первобытная ярость и надменность победителей?.. Нет ничего.

Занятно, что Византию и весь греческий мир, многие годы сдерживающий натиск Востока, уничтожили братья христиане с запада. Волна крестовых походов обрушилась на незащищённые города, почти не встречая сопротивления. Когда волна схлынула, унося детей Папы римского и награбленное добро, оголившимся землям было уготовано пришествие новых владельцев. Не стало Византии, над градом Константиновым поднялся золотой полумесяц, а через некоторое время турки уже брали Вену.

Чужое нельзя удерживать вечно, и вот уже brave русские с удивительной удачливостью громят Османскую Империю, то лишая её волонтаристски удерживаемых европейских владений, то и вовсе просто так, ради удовольствия. Терпение Запада не безгранично: нельзя же спокойно наблюдать, как осколки одной империи перевариваются другой, причём явно идя той на пользу и добавляя к лицу румянец, желудку аппетит. Терпению приходит конец, и в Крымскую кампанию с новыми защитниками православия проделывается почти тот же фокус, что и со старыми. Россия надолго отброшена, страдает от фантомных болей и мучится тягой к тёплым морям... Но сегодня Европу оккупируют турецкие рабочие, польские сантехники и прочие ходоки за длинным рублём, вызывающие у населения аллергию, у властей – головную боль, и ничего с этим не поделаешь.

Чего же, с оглядкой на историю, можно ожидать от стамбульского таксиста? с усами, как у бородатого таракана? А ничего плохого. Конечно же, он был сама любезность, и очередного перелётного пассажира, по преимуществу жёсткими просившего доставить его до нужной гостиницы, заверил почти искренне: – *Your English is good.*⁶ – Не только он, но и всё вокруг ласково улыбалось и вежливо кланялось, будто встречает старого друга, давно не бывавшего в этих краях. И машины, из открытых окон которых раздаётся такая знакомая восточная музыка, и галереи витрин пёстрых магазинов, где всегда рады гостям... Казалось, что и последний фонарный столб, имея он такую возможность, уступил бы дорогу и был бы, паразит, тоже сама любезность.

Наутро, когда солнце, взойдя над городом семи холмов, принималось щедро поливать теплом его разноликие улицы и однообразные дома, укрытые от жарких лучей под щитами загорелых крыш, Андрей, дружелюбно прощаясь со всеми попадающимися на глаза служащими отеля, спустился к выходу, где за прозрачными дверями пыхтел автомобиль, прибывший за командированным специалистом. Человек, вышедший навстречу – «*Good morning, Mr. Sikorsky. I am your guard for this trip*»⁷ – и усадивший мистера Сикорского с его вещами на заднее сиденье, был иного настроения, улыбался жёстко, а на лице, как и безучастный водитель, носил чёрную щетину, вряд ли наросшую за недолгое время ожидания.

Дорога до Диярбакыра, где когда-то император Константин счёл нужным укрепить великую стену, уступающую по протяжённости только китайской, а сейчас экипаж решил остановиться перекусить, была не слишком обременительной для пассажира. Усидчивостью он обладает по роду профессии, от лингвистических затруднений его избавила молчаливость сопровождающих, а жары он не замечал: в машине – из-за кондиционера, в кафе – из-за того,

---

⁶ Ваш английский хорош (англ.).

⁷ Доброе утро, г-н Сикорский. Я ваш охранник на это путешествие (англ.).

что мысленно сжался от ожидания столкновения с новым миром, не замечая, между тем, что этот мир потихоньку уже просачивается в створки его невидимой брони. Он без разбора съел всё, что ему принесли, с некоторым удивлением поучаствовал в оплате заказа. На улице по сторонам смотреть не стал, а предпочёл разглядывать носки своих новых кед, купленных в дорогом магазине, со знанием дела стилизованных под старые. Нырнул в машину, поправил причёску, и джип тронулся дальше. Скрылись из виду крепостные стены старого города, оставившие Андрея равнодушным, разве что лишь ненадолго пробудив смутный образ батальной сцены из кинофильма о крестоносцах, замелькали похожие друг на друга одноэтажные дома с плоскими крышами, потом так же, не удостоенные внимания, исчезли и они.

За окном теперь не было ничего, если не считать пустыни. И если наблюдательный взгляд различил бы вокруг и песок, и камень, и какую-никакую растительность, взгляд фантазёра мог бы прикинуть, что, возможно, камни когда-то были сложены в дома, а вокруг зеленели сады, то Андрей всю дорогу видел только безжизненное пространство. Тем не менее, вдруг он почувствовал странное беспокойство, стал поглядывать на часы, а потом и вовсе спросил: – *Is the border near?* – С переднего сиденья обернулся охранник и ответил: – *The border is behind.* – Затем он широко улыбнулся, обнажая неровные зубы, и добавил: – *Welcome to Kurdistan.*⁸

Ещё немного времени, и небольшой городок, где не встретишь ни автомобильных затонов, ни блестящих внутренним светом витрин, где на улицах не встретишь дефилирующих дам, потому что господа предпочитают держать их взаперти, городок этот, серый от пыли и яркий от солнца, встретил Андрея без лишних церемоний: ни оркестра при въезде, ни транспарантов с приветственными словами, ни детишек с цветами. Автомобиль, сбавив обороты, сквозь неровные ряды одноэтажных домов доехал до центра и вкатился в ворота весьма солидного строения. Приехали.

Рабочее место у оконного проёма, так плотно закрытого сложной системой жалюзи, что о наличии окна можно догадываться только исходя из соображений архитектурно-геометрической целесообразности; сухой кондиционированный воздух, в котором солидные дяди без дискомфорта носят галстуки и пиджаки; ровный гул оборудования, звуки нажимаемых клавиш – вполне производственная тишина. Офисы в этой части земного шара мало отличаются от прочих: техника как техника, интерьер как интерьер. И люди, в общем-то, такие же, как и везде, если только не обращать внимания на их забавный акцент, удивительно похожий на русский. Как и везде, где используют английский язык в силу сознательного выбора, а не по факту рождения, с вами они говорят коротко и ясно.

Другое дело еда. Поначалу, когда Андрея, увлékшегося решаемой задачей (он вёл непростой производственный разговор сразу с тремя весьма отдалёнными собеседниками), с трудом оторвали от важного процесса и пригласили к общему столу, он отнёсся к приёму пищи без каких-либо эмоций, машинально препровождая пальцами в рот незнакомые кушанья, которые отчего-то здесь все едят руками. Но ближе к вечеру, почувствовав лёгкое недомогание, гость во избежание непоправимых последствий для своего имиджа в глазах хозяев спешно отправился искать кабинку, специально оборудованную для избавления от тяжести в желудке.

Поиски были недолгими, кабинка оказалась свободной. Устроившись, Андрей огляделся: дома он бы привычно потянулся за иллюстрированной книжкой из истории христианского востока, кем-то и как-то случайно занесённой, да так и оставленной на полочке; содержание текста, между прочим, из-за чтения фрагментарного и необязательного, едва какой-то частью перебравшись в сознание, чуть погода совершенно выветривалось и почти целиком, не считая некоторых гравюр с изображением всадников, полностью закованных в латы, оставалось только на бумажном носителе. Здесь же народ предпочитал газеты. Разобрать в них, правда, кроме картинок и цифр ничего нельзя, поскольку для передачи информации мало того, что

⁸ Граница близко? – Граница позади. Добро пожаловать в Курдистан (англ.).

используется непонятный язык, так ещё запись ведётся справа налево и незнакомыми буквами. И нет ведь, чтобы сказать: мол, ребята, ошиблись мы, давайте сюда ваш алфавит... По возвращению Андрея ждало приглашение посетить кабинет шефа, весьма настоящее – охранник, ещё утром выступавший в роли сопровождающего и, между прочим, по дороге развлечения ради показывавший иностранцу пистолет, а теперь выполняющий функцию посыльного, держал руку на кобуре. Конечно, просто по привычке, но всё же... – *Do not leave the office without a guard,*⁹ – медленно проговорил он в коридоре.

В углу весьма солидного кабинета, в отличие от прочих помещений одухотворённого некоей руководящей атмосферой, демонстративно стояла бейсбольная бита. То ли конфигурация неких силовых полей в этом районе направляла к этому предмету взгляд всякого входящего, то ли всякий входящий искал глазами опоры при входе в начальственный кабинет, так или иначе, сначала мистер Сикорский уставился на битку, и уж потом, по прошествии затянувшегося мгновения, перевёл взволнованный взгляд на её хозяина. Босс, восседающий за отполированным до зеркального эффекта письменным столом, поведя носом и недовольно поморщившись, немного подался назад, отчего спинка высокого кресла издала звук сминаемой кожи. Брови хмурились, глаза щурились. Не поднимая руки от подлокотника, он пальцем указал в сторону монитора, лицевую сторону которого посетитель не мог видеть при всём желании (но почему-то совершенно точно знал, что там в неприглядном свете изображён объект его командировочных забот), произнёс владетельным голосом: – *This total crap is usable lesser than useless!* – и сжал подлокотник так, что кресло снова застонало. Потом добавил: – *When this incredible shit will be work?!!*¹⁰ – после чего стал смотреть на мистера Сикорского, как на причину всех своих мелких неприятностей.

И случилось удивительное: если раньше, скажем прямо, Андрею стоило немалых усилий связано выразить свои мысли по-английски, то теперь слова из него просто-таки посыпались, как монетки из карманов, если бы его подняли за ноги и хорошенько встряхнули. Или как жёлуди с осеннего дуба, по гулкому стволу которого крепко стукнули битой. Слова, градом опадающие на шефа, произвели на него благоприятное впечатление, он немного покивал головой, удовлетворённо сказал «окей» и высказался в том смысле, что на вас, мистер Сикорский, возлагаются большие надежды, сделайте только работу побыстрее, а ночевать из соображений безопасности вы будете в офисе. На этом аудиенция была закончена.

Один за другим сотрудники стали расходиться по домам. Спектр освещения в офисе принялся неуловимо смещаться от тёплого и естественного к искусственному и прохладному. Ближе к ночи зевающий охранник, сведя Андрея по лестнице вниз, в пространный подвал, выглядевший не таким современным, как офис, но зато куда более основательным, показал комнатку для ночлега, и оставил его одного. Несмотря на то, что мистер командировочный прибыл сюда из другого временного пояса с ещё не растаявшим часовым запасом, насыщенный впечатлениями день его утомил, и Андрея потянуло принять горизонтальное положение. Он растянулся на кровати, обратил свои глаза к серому потолку и принялся с его помощью мысленно просматривать недавние события, невольно распределяя их по полочкам и стеллажам в бездонном архиве своего серого вещества. Новые образы тревожили старые воспоминания, те ворочались и ворчали; внезапно открылась вся картина детства, огромный маленький городок, небо, в которое хочется прыгнуть, бесконечность жизни впереди... Однако сон не шёл.

Андрей потянулся к дорожной сумке, стоявшей рядом, достал из неё распечатку с документацией и попытался усыпить себя таким нехитрым способом. Но трюк не удался – читать

⁹ Не покидать офис без охраны! (англ.).

¹⁰ Это абсолютное дерьмо годно к употреблению ещё меньше, чем негодное. Когда это невозможное дерьмо будет работать? (англ.).

совсем не хотелось, и документация отправилась обратно. Встал, повертелся, прошёлся по комнате. Куда податься бедному Андрею?

Он вышел за дверь и посмотрел по сторонам. Их, этих сторон, было не так уж и много – комнатка его размещалась недалеко от каменной лестницы, по которой можно подняться наверх, в офис, хотя когда-то, судя по добротности материалов, раньше над подвалом могло быть и подобие крепостного строения. От лестницы, мимо нашего полуночника вдаль уходил длинный коридор, где-то в глубине сворачивая и, не исключено, переходя в подземный ход. Как знать, быть может, где-то здесь никак не может заржаветь гряда лат заблудившихся крестоносцев, или тех, кто от них оборонялся. И была же им охота воевать по такой жаре, орудуя мечи, копьями, палицами... Надо сказать, что крестовые походы, вообще-то, до этих краёв не добирались, но примерно с такими рассуждениями Андрей открывал то одну дверь, то другую, заглядывая и наблюдая скучнейшие подсобные помещения – не запертые, очевидно, из-за полнейшей бесполезности сваленного в них запылённого хлама. Возможно, он и обнаружил бы в себе стихийную склонность к бытовой археологии, но одна из комнат избавила его от такого сомнительного пристрастия – стоило приоткрыться двери, как оттуда с грохотом вывалилась внушительных размеров деревянная палка, чуть не задев любопытствующую голову.

Инстинктивно отступив на шаг и прислушавшись, не идёт ли охранник, Андрей осмотрел палку, зевнул и подумал: «Какая хороша вещь! И чего это я, когда мы играли в пекаря, вместо держака от швабры брал какой-нибудь дрын...» Он представил, как здорово бы летела эта «хорошая вещь», вращаясь в плоскости расчерченной мелом асфальтовой дорожки и одним ударом сбивая консервные банки на зависть дворовым друзьям. «А ещё, если обить её железными кольцами, она сгодится и для городков...»

Водрузив швабру на место, он скучающе постоял на месте, затем потянулся, издавая здоровый хруст молодого организма, и отправился обратно, снова улёгся и заснул, считая консервные банки. Однако приснились ему не они.

Каждый сон – это маленькое сумасшествие. Заприте себя в четырёх стенах и попробуйте мерить и мерить замкнутое пространство шаг за шагом, день за днём. Однажды это вам надоест, и ноги сами направятся прочь, на прогулку, хоть ненадолго, хоть недалеко. Так и мысли. Не могут они постоянно вертеться вокруг одного и того же. Срываются с петель и улетают – кружить хороводом над черепной коробкой, вдыхать свежий воздух, смотреть в небо, шутить и смеяться – пока надзиратель, этот временный владелец чужой свободы, не погонит их обратно. Так люди отвлекаются от беспрестанных забот, чтобы не свихнуться по-настоящему; лучше множество маленьких сумасшествий, чем одно большое.

И если охраннику, лишённому эмоций в силу профессиональной нецелесообразности, во сне обычно виделось примерно то же, что и во время бодрствования – те же комнаты и автомобили, – то Андрею по утрам часто приходилось говорить себе: «Надо же, какая муть, приснится же такое». На этот раз, держа в руке длинную железную палку и используя её в качестве опоры, он понял, что стоит среди своих товарищей, вооружённых такими же городошными битами, а навстречу им движется молчаливая группа лиц с битами от бейсбола. Вид приближающихся показался бы довольно забавным всякому мозговеду, случайно заглянувшему в сей беспокойный сон: десяток плотно сбитых и неторопливых порождений зла, наделённых различными, но непременно безобразными очертаниями, сверкает глазами, скрипит зубами и топает ногами. Особую прелесть придаёт им то, что в каждом нетрудно обнаружить какое-то неуловимое сходство с большим боссом из дневного кабинета. Собрать бы, как фрагменты мозаики, все уши, носы и брови – получился бы обладатель начальственного кресла собственной персоной, только от угроз перешедший к делу. Но и так, если воинственные лица видны вполне отчётливо, ноги сотрясают землю, руки размахивают битами, то тела отчего-то ясно рассмотреть никак не удаётся; и вот, злонамеренное войско уже будто бы сливается в единый организм – большой, многоногий и многоголовый, многорукий и, как бы так выразиться, мно-

гобитый. Биты гудят в воздухе, враг надвигается с неотвратимостью паровоза, ряды защитников колеблются, что же делать? Сражаться. Окольцованные длинные палки требуют размаха, но ещё лучше, если бить ими сверху, по головам – и вот уже наша пехота вмиг превращается в кавалерию, и закованные в броню катафрактарии, будто соскочившие прямо с византийской гравюры, получив неожиданное преимущество в скорости манёвра, разъехались в стороны и стали окружать неприятеля. «Только справедливость!» – крикнул снявшийся себе Андрей, воздух всколыхнулся, и городошные палки, обшитые сталью, звонко замельтешили в воздухе. Справедливость наступила в 3 часа ночи с небольшим – от боли в животе м-р Сикорский внезапно очнулся, сел на кровати, глянул на часы и, ловя остатки развеивающегося сна, сжал в руке невидимую палку и нанёс последний удар по затихающему врагу.

Руки, которые ничего не

В. Ленинградцев одиноко сидел в своём закутке и тосковал вот уже полчаса. Тоненький глянецовый журнал на столе, всё это время открытый на предпоследней странице, поблёскивал под солнечными лучами, изредка проникавшими сквозь немытое окно; кофе, призванный вселять бодрость, безучастно остывал; дел было много, но браться за них решительно не хотелось.

По монитору ползает муха, в голову лезет всякая дребедень.

Понедельник, по логике вещей, должен быть самым плодотворным днём недели – ведь выходные для того и придуманы, чтобы люди могли отдохнуть и развеяться. Но посмотрите на этого человека – его лицо бессонно и устало. Ну же, господин Ленинградцев, чем, позвольте спросить, вы занимались и почему вашу разительную бледность не может скрыть даже слой неброского загара?.. Чем-чем... да ничем. Просто одни люди живут в материальном мире, стругают доски и строят дома, а другие думают. У них, у этих других, вместо рубанков и станков – умственные категории. Первым стоит только взяться за кирку и приняться долбить породу – вот они уже работают; перестанут махать киркой – отдыхают. А вторым что? И работы за наморщенным лбом не видно, и попробуй ещё сумеешь расслабиться, если переставать делать особенно-то и нечего. Трудишься – сидишь за столом, отдыхаешь – сидишь... Тоска, тоска.

Надо позвонить в банк, разобрать накопившиеся письма, но нет – безделье лишает воли, безволие лишает дела... вяло скрипишь креслом, пересматриваешь недавний сон. Будто бы, по обыкновению возвращаясь домой поздно, завернул, как обычно, к ночному магазинчику – а тут на дверях табличка, внутри ни души – закрыто. Люди набегают, тыкаются в двери, отбегают – негде хлебушка купить. Ну, и потопал бы домой, устроив желудку лечебное голодание, если бы не нашёлся добрый человек. Да вы его знаете – ну, ещё говорят, что он уникальный, честный политик, а это действительно редкость из ряда вон выходящая. Так вот, другой бы прошёл мимо, или, раз уж охота поговорить с народом, устроил бы так, чтобы к нему обращались не иначе как «ваше высокопревосходительство» или ещё выдумал что-нибудь свинское – у богатых свои причуды. Этот же дружески кивает и движется навстречу, будто дистанцию между ним и народом можно преодолеть при помощи нескольких шагов. Тут уж хочется, конечно же, пожать его мужественную руку, но политик, сделав почти незаметный знак совсем невидимым телохранителям, как бы отстраняется и показывает ладони, скороговоркой и про себя сказав что-то вроде «эти руки ничего не крали», улыбается и говорит: «А поехали, дорогой друг, на вокзал – там всю ночь что-нибудь интересное продают». – «И хлебушек?» – «Конечно; и хлебушек, и пирожки с ливером». Хороший человек плохого не посоветует; хлоп в ладоши, вот и вокзал. По сторонам – ряды витрин с булками и всякой сдобой, светящиеся изнутри слегка потрескивающим электрическим светом... это же просто Клондайк! Оказавшись внутри самого большого торгового зала, высокопоставленный господин, дождавшись, пока его компаньон откуда-то с самой нижней булочной полки достанет два ещё тёплых, мягких и хрустящих, восхитительных батона, заговорщицки подмигнул и, сделав каменное лицо, идёт, как ни в чём не бывало, напрямик на выход, заслоняя напарника шириной своего корпуса и у кассы задерживаясь лишь на миг. Не для того, чтобы рассчитаться, а чтобы пройти мимо, бочком. Вроде бы ничего ещё не произошло, а сердце начинает отбивать частый ритм, который почти сразу же превращается в бойкую мелодию; сзади слышатся крики, и дородные тётки начинают гнаться за нарушителями платёжного режима, по сторонам слышится дыхание спящих поездов, впереди – неизвестность. «Я знаю одно место, – на бегу, не останавливаясь, говорит уникальный политик, – где нас искать никто не будет: это Конотоп. – И, поправляя галстук, добавляет: – Поедем на электричках!» И, как по заказу, что не кажется таким уж невозможным, у перрона, готовый к отправке, стоит и гудит электропоезд, со взведёнными пантографами и со всеми признаками того, что этот гусеницеподобный механический организм на электрической тяге

вот-вот оживёт и тронется с места. До раскрытых дверей остаётся несколько шагов, по сочленениям поезда прошла судорога, двери угрожающе зашипели; ещё немного, и они бы закрылись. Однако уникальный господин, как и всякий настоящий политик, умудрился проскользнуть. Привычным движением протянутой вперёд руки сдерживая съезжающиеся створки дверей, он приналёг на них всем своим авторитетом, и преграда подалась. Стоит ли говорить, что если пустить политика хотя бы на нижнюю ступеньку, он протащит за собой всю свою команду и займёт лучшие места. И не только займёт, но устроит там такой балаган, что... Команда состояла из одного человека с батонами. А охрана, видимо, сопровождала набирающую ход электричку на современных, весьма дорогих броневичках с затемнёнными окнами. И если о дальнейшей судьбе сновиденческих тёток ничего определённого сказать нельзя, то о Конотопе точно известно, что этот сонный городок против обыкновения довольно долго не мог погрузиться в беспамятство из-за грохота искрящейся электрички, кружившей по его улицам, нарушая всякие законы логики и правила дорожного движения. Не сон, а сказка.

Когда такое вертится в голове, работать довольно трудно. А когда к внутреннему головокружению добавляется ещё и внешний броуновский бильярд из человеческих тел, норовящих непременно с тобой столкнуться, работать становится просто невозможно.

В закуток влетела Леночка, остановилась у стола, возвышаясь над ним и немного покачиваясь на неизменно высоких каблуках; Ленинградцев принялся задумчиво изучать её очертания, но довольно быстро спохватился. «Елена Викторовна Мушкина, не замужем, отдел коррекции, – подумал он, пытаясь принудить себя к исполнению служебных обязанностей и, вместе с тем, почти машинально. – Образование: студентка. Лояльность: средняя».

– Привет, – сказала Леночка, – ой, какой ты сегодня кислый. – Ленинградцев через силу чуть растянул уголки рта. – Слушай, мне нужно взять один день за свой счёт, а Паша говорит, что ты сказал, что технику надо нагружать равномерно, и поэтому он меня отпускать не хочет. То есть, он хочет, но не может, или может, но не хочет, пока у администрации есть возражения. А что за возражения? Мне завтра очень надо, и вообще, я... – Ленинградцев молча протянул руку, как бы говоря: «Давай». Леночка тут же достала из-за спины бумагу и ловко вложила её между пальцев администратора. Пальцы плюхнули бумагу на стол, нащупали ручку и, чуть задержавшись над текстом, поставили аккуратную подпись. Леночка тихонько взяла документ, сделала подобие книксена и поспешила исчезнуть по своим делам.

В. Ленинградцев пошевелился в кресле. «Технику надо нагружать, надо же... это я такое сказал? И ведь хорошо сказал, между прочим, за мной бы записывать...» Попишешь тут, как же – столько бумаг, столько дел. А вы говорите – про дядю Борю давай. Дашь тут. Это вспоминать легко... Был у дяди Бори сосед, Ральф Алексеевич, тоже человек хороший. А что значит быть хорошим? Это значит делать людям добро. А что такое добро? Это когда другим делают приятно и почти что даром. Ральф Алексеевич очень любил людей. Его часто звали в гости, но не из-за ответных чувств к нему, а потому что он играл на трубе. Вообще-то он состоял при расквартированном полку бог знает каких войск и значился там прапорщиком по музыкальной линии, но форму надевал нечасто, два раза в год – на первое мая и седьмое ноября, всё остальное время работая музыкантом сугубо гражданским – на свадьбах, на похоронах. Ральф Алексеевич стискивал свой инструмент, вдыхал из атмосферы обыкновенный воздух, а выдувал музыку. У дяди Бори была жена, квартира и машина; у Ральфа Алексеевича жены не было, зато из его «Запорожца» торчало две выхлопных трубы, что было немного смешно и очень престижно. «Запорожец» тоже вдыхал обыкновенный воздух, но повторить на выдохе успехи своего хозяина всё же не мог, хотя очень старался. Ральф Алексеевич любил настойку на можжевеловых шишках, а дядя Боря не пил совсем из-за Доры Абрамовны и язвы желудка. Летом оба они частенько к концу дня выходили во двор, усаживались на лавке и принимались по очереди читать газеты, обсуждая местные новости, которые распространялись без всякой прессы, причём гораздо быстрее, чем сообщения первостепенной важности, как

о них думали в газетах. «Вы помните Сонечку с Заречья, которая вышла замуж за нового учителя математики из второй школы? Хорошая девушка, но совсем не умеет готовить: она вчера у меня спрашивала, когда лучше бросать сосиски в воду – когда вода холодная, или, наоборот, когда она уже кипятит». – «И что вы ей сказали?» – «Я, как человек военный, сказал ей прямо и всю правду: Сонечка, рыбочка, бросай их, когда захочешь – что твой математик, что сосиски, никто никакой разницы не заметит». – «Сейчас всё надо объяснять. Вот Миша с пилорамы: тоже утром пришёл, хотел взять у меня 50 рублей в долг. А я где их возьму? Нет у меня денег, тем более для какого-то Миши. Говорю ему: ты глупый; не надо просить у дяди Бори 50 рублей, это большие деньги, никто тебе их просто так не даст. Пойди к себе на пилораму, обойди своих знакомых и попроси у них по пятёрке – уж десяток друзей по пятёрке, пока молодой, ты всегда найдёшь». – «О, золотые слова!» – «И что вы думаете? Уже в обед он снова явился и сказал мне спасибо. Слышите? Ему – деньги, а мне – спасибо!..»

В. Ленинградцев начал было приходить в рабочее состояние, и даже по лицу его стали бродить первые признаки появления настоящей улыбки, но за стенкой послышались голоса. Это народ вышел попить чайку и немного поболтать; слышимость – просто великолепная.

– ...Да, специалисты по локальной политике могут многое почерпнуть из гельминтологии. Дело в том, что политики – это слизняки, только бронированные. С одной стороны, они пролазят всюду, а с другой...

– Что значит бронированные? У них есть некое подобие внешнего скелета?

– Нет, не совсем. Важно, что по определению они бесхребетные. Поэтому, кстати, их нельзя поломать. И броня им нужна не для придания телу определённой формы – ведь, наоборот, прогибаться – их основное качество. А нужна она им исключительно для защиты от конкурентов.

– Интересно. А если политика бросить в муравейник? Муравьи пролезут внутрь, там, изнутри, сделают своё дело, и – привет.

– Хм, а кто будет бросать и кто у нас муравьи?

– Погодите-погодите, я пока рассуждаю концептуально...

– Момент, я зайду к Питеру.

Теперь к слышимости добавилась и видимость: появился Дима.

В. Ленинградцев вопросительно и, насколько это возможно, когда ты временно потерял всякий интерес к жизни, оптимистично приподнял брови. За этими бровями сама собой появляется мысль: «Дмитрий Владимирович Альтер, холост, образование высшее, всюду суёт свой нос; лояльность – чёрт его разберёт».

– Привет! Скучаешь? Себя надо жалеть, больше спать. Хотя понимаю: я вот и сам в последнее время много работаю – поздно ложусь, поздно встаю... Ты, похоже, все выходные трудился над национальной идеей? Сочувствую; я, в основном, бездельничал. Слушай: я сейчас осваиваю теорию дебюта в го – это такая игра, её ещё называют японскими шашками, хотя, строго говоря, они не совсем японские и совсем не шашки. А вчера я отирался в одном обществе, в котором с недавних пор имею честь и удовольствие состоять, и стал свидетелем того, что старшие товарищи обговаривают, как бы им провести показательную встречу нескольких учеников с настоящим мастером. Так, чтобы заранее нельзя было предугадать, кто кого одолевает. Ну, а я, как бывший спортсмен-разрядник, им и говорю: господа, тут всё определяется тем, кто первый возьмёт инициативу в свои руки и завладеет доской. Надо отметить, что доска го – это тебе не кусок фанеры или картона, а весьма увесистое деревянное изделие, доставленное к нам контрабандой. Опытный мастер и так легко одолевает не менее трёх новичков, а уж вооружённый таким ударным инструментом... – Дима выжидающе посмотрел на собеседника, который, впрочем, участия в беседе почти не принимал. – Это юмор, – посерьёзнев, но ещё пытаюсь его расшевелить, добавил Дима. – Можно смеяться, и даже нужно. – Однако тот лишь вяло шевельнул своим журналом, очевидно, будучи совершенно не в состоянии высказывать

мысли вслух. – О, – заметил его мучитель, – ты стал интересоваться местной периодикой? Дело, конечно, твоё, но я, например, свой информационный голод удовлетворяю при помощи интернета и книг, а свободного времени у меня не так уж много, чтобы его без особых причин убивать. К тому же, сильно подозреваю, что твоей газеткой даже мухи с первой попытки не пришибёшь – а тут время... Я, собственно, вот по какому вопросу. Меня завтра не будет в офисе, надо бы это оформить как-нибудь... ну, например, в счёт прошлогоднего отпуска. Или позапрошлогоднего. Хорошо? – Ленинградцев тяжко кивнул головой; посетитель, ещё немного покрутившись на месте, заглянул в свою остывающую чашку и вышел, на ходу легко и весело бормоча себе под нос: – Жалко, что за эти трудодни нельзя в булочной отовариваться...

«Не газетка, а журнал», – подумал оставленный в покое временно недееспособный начётчик трудодней. И, надо сказать, журнал не простой, а весьма интересный. Ведь в нём, на предпоследней странице, будет помещена статья, наполовину составленная из слов того, кто в данный момент уже раз двадцатый рассеянно водит по ней глазами. Статья, хоть и подписанная фамилиями двух безвестных журналистов, хоть и снабжённая какими-то невнятными художествами вместо смелой фотографии с его тёмным профилем на фоне заходящего солнца, будто явственно проступает сквозь текст, который разве что из-за неповоротливости издательского процесса занимает чужое место в сегодняшнем номере. Статья, пусть сейчас по её призраку ползает муха, это ведь не просто набор фраз. Это отпечаток твоего многолетнего опыта, это ты сам, отпечатанный типографским способом...

Снова послышались голоса и даже сдержанный смех. Показавшись на полкорпуса, заглянул Б. Харин, человек с незаконченным психологическим. В голове Ленинградцева должна была появиться какая-то важная служебная мысль, но отчего-то не появилась. После минутного молчания заглядывающий спросил: – Сидишь?.. – Отвечать Ленинградцев не стал, но вполне отчётливо подумал: «Сижу». – Ну и сиди, – заключил Б. Харин и, не улыбаясь, вернулся к голосам. «Ну и сижу», понеслось ему в ответ.

Опять оставшись один, Ленинградцев приподнялся в кресле и облокотился о стол, перенеся центр своей не слишком весомой тяжести на локти. Муха вздрогнула и на всякий случай слегка попятилась назад. Не исключено, конечно, что в этом жалком существе проснулась доселе неведомая тяга к чтению, но, как совершенно точно знал хозяин журнальчика по опыту работы в сфере торговли, такие посетители могут только гадить и надоедать. Поэтому он сначала попытался спугнуть насекомое пристальным взглядом, потом старательно на него подул, безрезультатно, и только после этого хлопнул по статье рукой, вкладывая в удар всю тяжесть понедельника.

Голоса ненадолго притихли. Муха, жужжа что-то неразборчивое на своём монотонном наречии, улетела прочь.

История с глиняными табличками

Обычно всё начинается с каких-то пустяков. Ведь они, пустяки эти, всегда предшествуют событиям значительным, вроде ласточек перед дождём. Механика этого дела приблизительно такова: у всякого явления нет чётких границ, и прежде чем упадёт первая капля, в атмосфере происходит многое, чего человек не видит; снижается давление, дует ветер, прибивается к земле мошकारа, и за ней спускаются вечно голодные птички. Наивные люди думают, что это телеграммы из небесной канцелярии, хотя уже давно известно, что она вряд ли существует и уж точно земных дел не ведёт. Ну, не важно: в любом случае, природный барометр очень прост в эксплуатации, надёжен и долговечен, как сама природа; к сожалению, он может предсказывать только дождь. Жаль, что по ласточкам нельзя определять революции, и неизвестно, что последует за тем или иным пустяком, особенно если мы не знаем, на какие из них стоит обращать внимание.

Всякая сложная техника требует аккуратного обращения, тем более такое биомеханическое устройство, как желудок: стоит вместо супа с фрикадельками или овощного рагу вдруг накормить его чем-то непривычным и неудобоваримым, и он начнёт протестовать и выражать своё неудовольствие, нередко – вслух. Вот он булькает, есть хочет. Вроде бы должен помочь крепкий чай, но почему-то уже третий день помогает не особо. Андрей встал и прошёлся по офису, терзаемый акклиматизационным синдромом, но довольный проделанной работой. Мелочи, ещё остававшиеся для окончательного удовлетворения большого босса, он теперь заканчивал неторопливо, как художник, наносящий последние штрихи, отсутствие которых для посторонних глаз осталось бы просто не заметным. Или как человек, знающий толк в еде и уже основательно подкрепившийся, растягивает удовольствие, отрезая от любимого блюда по кусочку. Во взглядах людей, теперь всё чаще отрывавшихся от сосредоточенного погружения в работу, поблёскивали огоньки – однако это не отражения мониторов, а приближение его сиятельства обеда.

Ладно, пусть не суп с фрикадельками, пусть хотя бы самый обыкновенный грибной бульон!.. Андрея теперь кормили отдельно. Фруктами.

Он прошёлся по офису, булькая чаем и поглядывая на часы; затем вернулся, сел и сложил на груди руки. Товарищи курды, напротив, стали самопроизвольно покидать насиженные места и перемещаться в сторону выгородки с обеденным столом, иногда оглядываясь и бросая на вынужденно фруктоядного иностранца не лишённые сострадания взгляды.

Между прочим, хоть наука и относит человека к биологическим видам с внутренним пищеварением в отличие от всяких там ядовитых тварей, человек разумный – существо не совсем биологическое. С тех давних пор, когда люди, овладев огнём, научились еду перед употреблением готовить, свои натуральные способности к сыроедству мы проявляем всё реже. Мясо, рыбу и птицу мы варим, жарим и парим, печём, тушим и коптим. Колоски хлеба мы пропускаем через зерноуборочные комбайны, мельничные жернова и пекарни. Сельское хозяйство с полей и ферм на кухню поставляет продукты, далёкие от натуральных – все они теперь культивированные, приправленные удобрениями, нередко даже прошедшие через генетические лаборатории. А на кухне с ними происходит такое, что всякий, кто хотя бы наблюдал за превращением овощей в винегрет, согласится, что у нас внешняя, дозаглоточная стадия пищеварительного тракта – важная и нужная. Потому что человек – существо в гастрономическом плане культурное. В каком-то смысле и сами люди не вполне естественны: выращенные в разных культурах, они вырабатывают различные кулинарные привычки, из-за чего организму, попавшему из одной среды в другую, не так-то просто приспособиться к новым для него блюдам. Его спасут разве что мировые сети ресторанов быстрого питания или пицца с нулевой степенью переработки – фрукты, например.

Покачиваясь на стуле, Андрей рассеянно смотрел по сторонам. Могло бы показаться, что он либо собирается с мыслями, либо, наоборот, разбирается с ними, однако его сейчас интересовало нечто, находящееся не только вне его черепной коробки, но и вне офиса. Впрочем, уже нет: вот открывается дверь, и появляется господин Махараш, профессор местного университета, а заодно – консультант компании. Зачем он здесь? Принимать дела у иностранного специалиста.

Доктор Махараш, до этого пребывая одновременно в двух отпусках – в преподавательском и консультантском, вчера специально вернулся со средиземноморского побережья и встретился в приёмной у кабинета большого босса с г-ном Сикорским, обсудив с ним его узкоспециальную тему. Остался вполне довольным; этот г-н Сикорский, знаете ли, вполне приятен в общении, с ним можно работать... Профессор, закрыв за собою дверь, улыбнулся вчерашнему собеседнику и зашагал ему навстречу; тот ответил взаимностью. Сегодня в планах была практическая передача дел и, если позволит время, культурная программа.

– How are you, Andrew, – поинтересовался профессор. – Fine, thanks! How are you? – ответил ему Андрей. Они уселись перед монитором и приступили к делу.¹¹

– As we took yesterday...¹² – Быть может, Андрею порядком надоело находиться взаперти, а возможно, и в действительности проект не требовал тщательного изучения; в любом случае, инструкции уже оказались написаны, и профессору даже не пришлось воспользоваться ручкой и тетрадью, в которой он собирался составить подробный конспект. Кроме того, Андрей, обладающий личным обаянием, которое легко преодолевает лингвистический барьер, прибегнул к действию своего оружия и мягко убедил профессора, что трудностей нет ни малейших, а остаток дня лучше провести за пределами офиса.

Так что довольно скоро, на ходу расширяя круг обсуждаемых вопросов, они оказались на дворе. В сопровождении охраны, разумеется.

Говорили они на естественной смеси английского, мимики и жестов, прекрасно понимая друг друга. Решено было устроить экскурсию по достопримечательностям города. К таковым, за отсутствием музеев и ночных клубов, были отнесены: смотровая площадка на въезде, откуда открывался вид на всё поселение; рыночная площадь; ресторан. Усевшись на заднее сидение джипа и проинструктировав водителя, они отправились в путь, часто подпрыгивая на разбитой дороге.

– There is old proverb, – заметил Андрей. – In Russia are two troubles: roads and fools. I see Kurdish roads look like Russians ones. – При этом он улыбался и подмигивал сквозь свои тёмные очки. – You are not right, Andrew, – вполне серьёзно возразил профессор. – Russians successfully have done own national project. Therefore they are protected from external influence and free to make own bad roads and fools. But Kurds just started to build own country. Our bad roads are not result of our fools' work...¹³

И, говоря о таком любопытном предмете, как дороги и дураки, они, уверенно пружиня на могучих рессорах, выезжали за пределы города. Причём, если Андрей пытался сказать, что и эти беды – внутреннее свойство народа, который от них страдает, то профессор несколько не сомневался, что вообще все беды – по крайней мере, для курдов – приходят извне. А всё потому что мир несправедлив. – Generally speaking, – замечал он сквозь дорожный шум, –

---

¹¹ Как дела, Андрей? – Хорошо, как у вас? (англ.)

¹² Как мы говорили вчера... (англ.)

¹³ – Есть старая пословица. В России две беды – дороги и дураки. Я вижу, курдские дороги не отличаются от российских. – Вы не правы, Эндрю. Я знаю вашу русскую пословицу. Русские успешно сделали собственный национальный проект. Поэтому они защищены от внешнего влияния и свободны сделать собственные плохие дороги и дураков. Но курды только начали строить собственную страну. Наши плохие дороги – не результат работы наших дураков (англ.).

each great nation brings some idea to other people. Americans bring democracy. Chinese bring equilibrium. Russians bring fairness.¹⁴

Когда машина добралась до смотровой точки и остановилась, они выбрались наружу и принялись вертеть головами. Точка, между прочим, успела обрасти туристической инфраструктурой и, парадоксальным образом, сама благодаря этому стала частью города. Так что теперь она свою функцию – позволять осмотреть город одним взглядом – выполняла несколько условно. Местность весьма пересечённая. Дома в низине сбивались в хаотические улицы; городок, пожалуй, вернее было бы называть селением. Хотя кое-где виднелись руины, которые вполне могли бы сохраниться с давних времён, не исключено и даже очень вероятно, что развалины имеют современное происхождение: всё-таки здесь иногда стреляют. В отдалении, подобные верблюжьему каравану, возвышались горы средних размеров. – Look here, Andrew, – произнёс консультант, указывая рукой на самую высокую из них. – This is a mountain of our boss.¹⁵

Теперь, когда больше ничто не преграждало путь солнечным лучам, Андрей быстро почувствовал немилосердное давление жары. В своих лёгких модельных штанах из чистого хлопка, приобретённых специально для поездки (со стороны они сильно напоминали спецодежду какого-нибудь водопроводчика), в легчайшей футболке и в практически невесомой шевелюре, он вдруг почувствовал себя человеком далёкого севера, не готовым выносить обжигающий взгляд южного солнца. Тем сильнее его удивила появившаяся откуда-то из-за угла группа женщин, закутанных в тёмные одеяния. Жара их ничуть не беспокоила. Они жались друг к другу подобно овцам в отаре, о чём-то оживлённо переговаривались, бросая взгляды в сторону Андрея и профессора. Вдруг они замолчали, обернувшись и увидев, надо полагать, своего господина. Тот, подойдя к ним, весьма небрежно к ним обратился с каким-то вопросом, и, выслушав ответ, заулыбался и, безуспешно пытаясь согнать с лица улыбку, направился прямо к Андрею. Подойдя, он представился местным туристом и, премного извиняясь, сказал, что его женщины впечатлены необычным внешним видом господина, и не будет ли господин против, если с ним рядом сфотографируются. Андрей возражать не стал. Чуть позже, когда фотосессия закончилась и любопытствующие люди в чёрном ушли, он, прежде чем экскурсия перенеслась в ресторан или на рынок, поинтересовался у своего гида, где здесь находится ближайший банкомат. Ответ был неутешительным. Впрочем, профессор тут же спохватился и сказал, что все необходимые расходы на себя возьмёт компания, а прочие готов понести лично он как принимающая сторона.

Рынок, увы, тоже не обманул ожиданий. Смесь восточного колорита с плодами глобализации – апельсинами, яблоками и прочими универсальными сельскохозяйственными ценностями. Глаза господина иностранца, быть может, и разбегались в разные стороны (за тёмными очками мы этого всё равно не видим), но усилием воли Андрей заставил себя держаться одного направления с профессором. Продуктовые ряды не вызвали энтузиазма ни у кого. При виде факира... или как тут называется глотатель змей и дрессировщик шпага? Мы точно этого не помним, а в такую жару и знать не хотим; так вот, глядя на факира, жонглировавшего жестяными банками, Андрей подумал, а не взять ли его с собой в качестве сувенира, но потом резонно рассудил, что наши напёрсточники ничуть не хуже. Поэтому сувениры пришлось покупать самые обыкновенные – безделушки под старину: фигурки неведомых божков, недавно вошедшие в моду глиняные таблички с клинописными заклинаниями и вездесущие изображения вавилонской башни (которую можно видеть даже на местных банкнотах).

Зато ресторан оказался в высшей мере удивительным. Фасад, поблескивающий мраморной полировкой так, как может себе позволить далеко не каждое заведение подобного профиля

¹⁴ Вообще говоря, каждая великая нация несёт какую-то идею другим людям. Американцы несут демократию. Китайцы несут равновесие. Русские несут справедливость (англ.).

¹⁵ Посмотрите сюда, Андрей. Вот гора нашего босса (англ.).

в странах развитого капитализма, пробудил в Андрее сладкий зуд клубной жизни. Казалось, что там, стоит только пройти через высокие двери из тёмного стекла, сразу окунёшься в привычную атмосферу с кислотной музыкой и молодёжью, где все тебе рады, потому что всем и без тебя хорошо, а с тобой ещё лучше; вот уже в ушах Андрея сами собой зазвучали танцпольные ритмы... Как бы не так. Пожалуй, этот ресторан поторопился с появлением на свет. Или, быть может, он был построен для приёма дорогих гостей, которые погостили и уехали в свою Америку, а теперь здесь местная публика, отдалённо напоминая первых бандюков и коммерсантов времён прихода рыночной экономики в СССР, не особо заботясь о внешнем виде, в тапках на босу ногу, вкушала плоды импортированной цивилизации. Но, конечно же, на свой манер. Шикарные столы из натурального дерева застелены драными скатертями; объёдки бросаются на пол; однако самое удивительное – даже не это, и не музыка времён бабушкиной молодости, а полное отсутствие спиртного и женщин. Это сильно потрясло Андрея, и он стал сбивчиво недоумевать и спрашивать у своего провожатого, как же, мол, вы тут отдыхаете. Тот поведал, что здесь, вообще-то, следуют строгому обычаю. Ни питейных заведений, ни фривольных девиц, ничего такого. Людям и без этого весело; мы танцуем, поём песни... Они сели за удалённый столик; профессор мимоходом распорядился подать чай и фрукты. Другой бы на месте любителя клубов затосковал, но Андрей виду не подал; он, будто внезапно вспомнив о чертовски интересных вещах, полез в сумку и стал из неё выкладывать на стол свои недавние покупки, поочерёдно вертя их в руках. Тут уж чудеса толерантности пришлось проявить профессору; он старательно делал вид, что любит и ценит местные сувениры ничуть не меньше, чем мы восторгаемся какими-нибудь матрёшками; когда же дело дошло глиняных табличек, он почти по-настоящему оживился и счёл нужным сопроводить их появление комментарием. Он рад был заметить, что уважаемый мистер Сикорский не прошёл мимо изделий, имитирующих исторические образцы древней культуры, и да будет уважаемому мистеру Сикорскому известно, что раньше, до прихода греков, здесь были распространены именно вот такие книги. Он сообщил, что сегодня, когда электронные коммуникации охватили авангард человечества, к которому, уважаемый, мы с вами, конечно же, относимся на все сто процентов, даже бумажные издания кажутся устаревшими; что тут говорить о дощечках. Но прошу обратить внимание, что для дощечек нужна только глина, которую нетрудно добыть в ближайшем карьере, всего лишь глина и стило. Для пергамента, этого следующего этапа эволюции носителей данных, требуется возиться с кожей какого-нибудь животного, которое ещё нужно вырастить. Для бумаги уже понадобится фабрика, а для электроники – целая индустрия. Выходит, что чем цивилизованней общество, тем сложнее способ, которым оно делает по сути одни и те же вещи.

Андрей оживился. Он до сих пор был вполне уверен, что технический прогресс – это нечто вроде закольцованной мясорубки, которая из старых вещей производит всё более новые и совершенные. И он, конечно, по-своему прав; но, взглянув с другой стороны, нельзя сказать, что в своих рассуждениях ошибается профессор... Ещё недавно за вполне приличную сумму было несложно купить компьютер, который сегодня даже выкинуть при свидетелях стыдно; но и тогда, и сейчас цена обычного компьютера держится примерно одной и той же, а сам он приносит ровно ту же пользу и выполняет всё те же функции. Выходит, что хоть вещи получаются всё совершенней, их совершенствование имеет непринципиальный характер. Андрей слегка взволновался и даже спросил, неужели его собеседник отрицает революционность таких изобретений, как, например, steam-engine (паровоз) или electric light bulb (электрическая лампочка); профессор же, надпив стакан сока и не скрывая своего удовольствия, вопрос, похоже, проигнорировал – и продолжил. Что есть цивилизация? Это способ самозащиты и репродукции нашего общества, надстройка над биологической эволюцией. Когда-то человек боролся со своими зубастыми и клыкастыми врагами при помощи рук и ног, палки и камня. Когда однажды изобретённый каменный топор не приходится выдумывать с каждым новым поколением, когда создают топорное, в хорошем смысле, производство, когда применяют готовую

продукцию в конкурентной борьбе – появляется цивилизация. По мере обрастания человеком орудиями труда и сражений природа на него оказывает всё меньшее влияние, и человек, владеющий всё возрастающей мощью, постепенно перестаёт воевать с природой и сосредотачивается на внутривидовой конкуренции. И поскольку животный мир давно уже подчинён, а значит и решена задача по получению эволюционных преимуществ, выходит, что в дальнейшем развитии цивилизации нет особого резона. Таким образом, все изобретения после, ориентировочно, лука и стрел, можно считать избыточными. Это всё равно, что паук, развесив между деревьями вполне эффективную паутину, принялся бы за вышивание крестиком.

Андрей всё хотел возразить, но из-за последней фразы внезапно вспомнил картинку с результатами одного забавного опыта: естествоиспытатель Гардиндж воздействовал на пауков небольшими дозами марихуаны, кофеина, других интересных веществ, а также пивом. До того, как подопытные были удостоены столь высокой чести, их паутина отличалась удивительной симметричностью, но вот после... Меньше всего вреда, как ни странно, принесла марихуана. А вот пиво дало такой результат, что вышивание крестиком по сравнению с ним – пустяк, о котором не стоит и говорить. Пиво, знаете ли... Андрей ещё долго и со вкусом рассуждал об этом, безусловно, вредном напитке, а профессор, верно оценив настрой дорогого гостя и немного поразмыслив, пригласил его к себе домой, дабы продолжить беседу без посторонних глаз и ушей, в обстановке, более пригодной для рассуждения на столь свободные темы.

Город в последний раз за этот день обдал их сухим дыханием пустыни, и они отправились к дому профессора, почти не обращая внимания на дорожные ухабы.

Дом оказался хоть и неприметным снаружи, но уютным внутри; впрочем, гость до конца осознал, что не зря согласился на незапланированный визит лишь тогда, когда на столе появилась бутылка с явно алкогольным содержимым. Местные обычаи отнюдь не благоволят к спиртному, однако для иностранца можно сделать исключение – тем более что у Аллаха есть куда более важные дела, чем этот разговор, перемежающийся краткими тостами за дружбу между народами, свободный Курдистан и доброе настроение дорогого шефа, которое завтра так пригодится.

Всё-таки, насчёт глиняных табличек... Отметим, кстати, что Андрей, слушая профессора и периодически выступая с фразочками, фразами и даже фразищами, вдруг с удивлением обнаружил, что не то чтобы не может точно определить, на каком языке идёт разговор, но язык будто стал такой же само собой понимающейся частью общения, как мимика или взгляды. Так вот, насчёт... Вы бы, дорогой Андрей, с этими табличками были осторожней: могут возникнуть проблемы при таможенном оформлении. Тут среди специалистов недавно случился переполох: на чёрном рынке вроде стали появляться фрагменты книги превращений, до сих пор официально считавшейся утерянной ещё во времена нашествия персов. Существует легенда, что-де по табличкам книги, вообще-то описывающей способы превращения людей в богов разного рода, рассредоточен некий код, который, будучи прочитан целиком, незамедлительно вызовет, само собой, конец света. Ну, правительство больше интересуется сохранностью культурного наследия, однако помимо чёрных археологов у нас и охотников до содержательной части книги тоже хватает. Мало ли. Между прочим, довольно любопытно, каким образом легенда объясняет, почему мир до сих пор существует: оказывается, это уже не первая версия мира, а то ли седьмая, то ли восьмая. По легенде, верховное божество первую книгу, книгу творения, разбросало по небесному своду, отчего образовались звёзды и планеты, а вторую любило таскать с собой, дабы множить разнообразие природы. Книга по рассеянности была утеряна во время прогулки, обнаружена людьми и помещена под строжайший библиотечный надзор. Время от времени правители, побуждаемые лучшими чувствами и государственной необходимостью, пренебрегали увещеваниями жрецов, спускались в хранилище и принимались за чтение, проникаясь, табличка за табличкой, мудростью и могуществом, произнося заклинания и производя из жалких людишек вокруг себя несокрушимые армии слуг и солдат. Всякий

раз вслед за кратким периодом величия и благоденствия мир проваливался в хаос. И вот, после очередного взлёта и падения, один из правителей едва приподнявшегося из руин Вавилона, желая избавить себя и грядущие поколения от соблазна раз и навсегда, повелел выстроить башню до небес и вернуть книгу её истинному владельцу. И вознеслась башня, почти достигающая облаков, и понесли книгу наверх. Библиотекаря, которого ещё в начале службы лишили языка и ослепили, долгие годы проведшего в подземелье и теперь сопровождающего царя в роли носильщика, ожидала смерть, нужная для привлечения внимания божественных очей и к радости толпы, простёршейся от башни во все стороны. Однако слепота его была обманчивой: он давно уже приспособился к молчаливому чтению клинописных табличек при помощи рук, поэтому от окончательного постижения книги его отделяло только чувство долга и последняя табличка. Но теперь, доставив бесценный груз на вершину, прежде чем шагнуть в пустоту, он возложил на книгу дрожащую ладонь. Внезапно башню объял быстро сгущающийся сумрак, вокруг стало тихо и страшно. Под ногами оцепеневшей толпы дрогнула земля, раздался гул и скрежет, камни посыпались с неба, и мир снова исчез. Вот. Следы библиотекаря на этом теряются. Ещё наливочки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.